

Барс

Слепая война. Книга вторая

Наталия Полетаева

Наталия Полетаева

Барс: Слепая война. Часть вторая

«Автор»

2025

Полетаева Н.

Барс: Слепая война. Часть вторая / Н. Полетаева — «Автор», 2025

Третья книга о приключениях Двенадцатого, наемника, ставшего императорским телохранителем. Голдведен намерен уничтожить Алмиевый лабиринт и поработить легендарный народ барсов. Ильберс нашел двух братьев, чтобы защитить свой народ, но остальных отыскать оказалось сложнее. Пустыня не прощает ошибок. Великие духи следят за каждым шагом чужака. Драконьи горы намерены похоронить его в самых глубоких шахтах. Хватит ли смелости завершить начатое? Согласятся ли жестокие нумерованные помочь брату? Удастся ли спасти родной дом? Ильберсу предстоит ответить на многие вопросы, а главное решить: можно ли обойтись малой кровью и одержать победу в Слепой войне?

© Полетаева Н., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 14. Ледяная тьма и алая ярость	5
Глава 15. Караван и звон монет	15
Глава 16. По самому краю	25
Глава 17. Души, объятые пламенем	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Наталия Полетаева

Барс: Слепая война. Часть вторая

Глава 14. Ледяная тьма и алая ярость

- Во имя снежных ястребов, куда ты опять меня ведешь?
- Скоро узнаешь.
- Ты своими сюрпризами меня в могилу загонишь.
- Если тебя так просто загнать в могилу, значит, ты мне не нужен.
- Тьфу.
- И не смей мне перечить.
- А ты поводов не давай.
- Вот же... дерзкий мальчишка. Отрезать бы тебе язык.
- А ты попробуй.
- Хочешь узнать, смогу ли я?
- Остынь, наставник. Я же пошутил.
- То-то же.

Парнишка беззаботно скрестил пальцы на затылке и потянулся, продолжая следовать за угрюмым человеком, которого в черной крепости называли Первым. Морозный воздух колот кожу, а изо рта клубились облачка пара, но юноша любил холод и был к нему приучен. К тому же он родился среди снегов, в одну из холодных зим, какие временами случаются за стенами Алмиевого лабиринта. Поэтому юный барс с легкостью шагал по глубоким сугробам, почти не чувствуя усталости, и с воодушевлением наблюдал за блеском снежинок, сверкающих в лучах солнца.

Поднявшись на пригорок, он заметил вдалеке толпу новобранцев и нескольких пронумерованных, частично скрытых заледенелыми стволами. Воины стояли полукругом и молча таращились себе под ноги, на облака или деревья – на все что угодно, лишь бы не общаться друг с другом. Правда, зимний лес в солнечный день стоит того, чтобы оторваться от разговоров.

– Зачем их столько? У нас что, День Пиршеств намечается? – спросил барс, выглядывая из-за спины наставника.

– Во-первых, последняя Ночь Пиршеств прошла всего месяц назад, а правила я менять не собираюсь. Раз в год, значит, раз в год. Они здесь по другому поводу.

– Может, уже раскроешь секрет?

– Всему свое время.

– Мы никогда здесь не были. И почему я раньше не заходил в эти места?

– Ты бы все равно сюда не пошел.

– Хватит говорить загадками.

– Хватит дерзить. Надевай повязку на глаза. – Первый резко остановился, развернулся и протянул барсу полоску плотной ткани.

– Зачем?

– Делай то, что я говорю.

Барс нахмурился и принялся завязывать глаза. Только он закончил последний узел, Первый грубо схватил его за предплечье и потащил вперед. Вокруг простирался редкий лесочек, укрытый глубокими сугробами. Между стволов петляли тропы пришедших пронумерованных и новобранцев, а синие тени, словно решетка темницы, разделяли снег длинными полосами. Лишившись зрения, ученик изредка ловил лицом хлесткие удары заледенелых веток и запи-

нался о коряги, утонувшие в сугробах. Первого, казалось, ничуть это не беспокоило. Он продолжал невозмутимо буровить свежий снег высокими ботинками и жмуриться от яркого солнца.

Наконец чуткие уши барса уловили, что новобранцы и нумерованные уже совсем рядом. Они шуршали одеждой и иногда бросали язвительные колкости друг другу, что было вполне в духе суровых воинов Лагеря Смерти. Первый прошел мимо них, таща следом ученика, и поставил его перед собой чуть поодаль. Под ногами больше не чувствовался снег. Лед? Возможно. Барс услышал, как воины встали в плотный круг, где он был центром. Зачем-то они взяли в руки оружие и молча чего-то ждали.

– Сними повязку, – холодно скомандовал Первый, тоже став частью круга.

– Что ты задумал?

Барс выждал пару мгновений, прежде чем исполнить приказ, а затем зацепился пальцами за ткань и потянул ее вниз, ожидая какого угодно подвоха, но только не того, что предстало перед его взором. Морозный ветер пронизывал воинов до костей, заставляя непроизвольно сжиматься, но на барса нахлынула волна жара и мурашек. Привыкая к солнечному свету и обстановке, он еще несколько секунд стоял на месте, держась пальцем за повязку, повисшую на шее. Но когда его взгляд опустился...

– Во имя снежных ястребов, – процедил он. – Значит, мне не показалось.

– Это твоя сегодняшняя тренировка. Простоишь здесь до отмены моего приказа – значит, прошел испытание. Не простоишь – умрешь.

– Просто убьешь меня?

– Да. Потому что эта тренировка должна выбить из тебя последнюю слабость.

– Ах ты... Ну и какую же слабость?!

– Страх.

Первый улыбнулся. Однако его улыбка никогда не выглядела добродушной. Она скорее напоминала ухмылку убийцы, на глазах которого жертва испытывает немыслимые мучения. Именно так в тот момент его видел барс. Ведь кому еще в голову могла прийти подобная идея? Новобранцы морщились от холода, но крепко держали щиты и копья, создавая непроницаемую стену. Зачем? Чтобы не выпустить ученика Первого из клетки, не иначе. Барс стоял на поверхности озера, лед которого был чист и прозрачен как слеза. В его толще проглядывали пузырьки воздуха и узоры, созданные водными потоками и волшебницей-зимой. Но подобная картина вызывала у барса лишь чудовищный страх, ведь больше всего на свете он боялся глубины, а дна прозрачного озера было не разглядеть. Свой главный страх он приобрел, упав с отвесной скалы и проломив спиной тонкий слой льда, и теперь любая водная гладь могла вогнать его в ужас.

Он и сам себя за это ненавидел. Первый вечно твердил о том, что настоящий воин Лагеря Смерти ничего не должен бояться. Это было похоже на правду. Нумерованных ценили в кругах наемников континента, потому что они бесстрашно бросались в бой и сражались до последней капли крови.

Первый выставил перед собой щит и копье, на древке которого оглушительно звякнула цепь.

– Страх – это слабость. Чем быстрее ты одолеешь его, тем сильнее станешь. Отсутствие страха делает нас непобедимыми. А тебя может сломить обычное озеро... Жалкое зрелище.

Барс крепко сжал кулаки, вглядываясь себе под ноги. Он даже слов наставника не услышал – все мысли становились одним сплошным криком отчаяния. Хоть со стороны ученик Первого и выглядел серьезным и непоколебимым, все его тело сковало страхом до такой степени, что он не мог пошевелиться. Стук сердца отдавался в висках, а тяжелое учащенное дыхание заставляло облачка пара клубиться с большей силой. Со стороны нумерованных послышались смешки.

– Он реально воды боится? – иронично спросил Шестой, громко шмыгнув носом. – Вот это воин! Смех один!

– Перестань паясничать, – остудил его Седьмой. – Если ты ничего не боишься, это не значит, что все такие же, как ты.

– Неужели и ты боишься?

– Боюсь не сдержаться и сломать твою толстую шею.

– Тише, мальчики! – перебила их Четвертая, лениво переложив копьё из одной руки в другую. – Дайте посмотреть на это зрелище в тишине!

– Как же... как же это меня... достало, – прошипел барс и поднял глаза, наполненные гневом.

Нумерованные мигом замолчали и насторожились. Ученик Первого согнул колени и, вдохнув больше воздуха, кинулся вперед. Однако стена из щитов, удерживаемых новобранцами, не пропустила его дальше. Упершись ладонями в ледяную металлическую преграду, барс едва слышно зарычал от злости. Но тут подоспело копьё Первого и со всей силы отшвырнуло его обратно в центр озера. Барс сделал кувырок и мягко приземлился на лед. Из-под воды донесся глухой одиночный треск. Нумерованные сделали осторожный шаг назад, ведь даже по приказу Первого не хотели бы искупаться в ледяной воде. Испуганные новобранцы быстро последовали их примеру. Глава Лагеря Смерти даже не пошевелился. Он продолжал стоять на месте и холодным оценивающим взглядом смотреть на ученика.

Барс опустил на одно колено и прижал ладонь к прозрачному льду, тут же подтаявшему от тепла его тела.

«Это вода. Это же просто вода! Тогда почему я в ужасе? Чем этот лед и это озеро могут мне навредить? Я могу утонуть... Нет! Не нужно думать об этом! Но там темно и холодно... словно в бездне вечности. Откуда мне знать, что творится в бездне вечности?! Я же там никогда не был! Но если бы я там оказался, наверняка ощущал бы, как мокрые ледяные руки цепляются за меня и тянут на дно. Туда, где нет воздуха... Туда, где я бессилен. Так я боюсь воды или собственного бессилия? Реши уже наконец, а то он от тебя не отстанет! Первый чувствует мой страх, а потому не спешит отменять приказ. Я здесь надолго застрял...»

Четвертая в который раз переступила с ноги на ногу, страдая от скуки. Барс не шевелился уже несколько минут, и его ладонь стала красной от холода.

– Первый, чего ты не отменишь приказ? Он же коснулся льда и вроде как больше не боится, – тихо шепнула нумерованная, беспокойно постукивая по древку копья.

– Он еще не понял.

– Чего?

– Сути вещей.

– Снова твои загадки. Барсик так руку себе отморозит.

– Его проблемы.

Четвертая скучилась и снова переступила с ноги на ногу. Буквально через мгновение Первый отложил щит в сторону и высоко поднял руку.

– Рубите лед.

Барс обомлел. Новобранцы и нумерованные подняли щиты. В свете полуденного солнца сверкнула стальная окантовка, а затем острые шипы с диким треском вонзились в ледяную плоть замерзшего озера. По спящим деревьям проскочило звонкое эхо. Тяжелым металлическим щитам ничего не стоило расколоть лед. По голубой глади замесались белесые трещины, словно молнии, пронзающие водный покров. Воины отошли подальше, чтобы не провалиться, и с непроницаемыми лицами смотрели за тем, как юный барс оказывается в ловушке. Но он не дрогнул. Даже когда под ногами трещала ледяная поверхность. Даже когда казалось, что он вот-вот уйдет под воду и навсегда сгинет в пучине собственного страха. Но лед не раскололся,

и барс не сошел со своего места, несмотря на то, что сердце немислимо колотилось в груди. Чтобы скрыть дрожащие руки, он крепко сжал кулаки, глядя Первому прямо в глаза.

– Вот теперь можешь сойти со льда, – великодушно произнес тот. – Неважно, избавишься ты от своего страха или нет – суть не в этом. Страх не должен управлять тобой. Ты управляешь им. Никто не рождается полностью бесстрашным, все мы чего-то боимся, но продолжаем сражаться. Выполняем то, что от нас требуется. Несмотря на трясущиеся поджилки. Это и делает нас воинами. Поэтому мы – нумерованные. И к вечеру ты станешь одним из нас.

Новобранцы раскрыли рты от удивления. Четвертая расплылась в довольной улыбке, отчего Шестой закатил глаза и громко цокнул языком.

– Он станет нумерованным? – осторожно переспросил Седьмой, глядя на барса, поднимающегося на ноги с круглыми от удивления глазами.

– Да. Сегодня он пройдет испытание берсерком, а завтра получит номер.

– Будто кто-то в этом сомневался, – усмехнулся Шестой. – Мне вот, например, всегда было ясно, что белобрысый станет одним из нас.

– Помолчи, здоровяк. – Четвертая лениво потянулась, после чего похлопала барса по плечу, когда тот подошел ближе. – Молодчина, барсик! Прими мои поздравления!

– Да пошли вы... все... – раздосадованно пробубнил он себе под нос.

В черную крепость новобранцы возвращались в смешанных чувствах. Кто-то был рад тому, что их собрат исполнит мечту многих обитателей Лагеря Смерти и станет нумерованным. Кто-то завидовал ему, сокрушаясь, что Первый не обратил свой взор на них. А кто-то разгадал собственные слабости, наблюдая за тренировкой, а потому был с головой погружен в раздумья. Барс вышагивал вслед за Первым и старался держать эмоции при себе. Он и подумать не мог, что однажды наставник произнесет заветные слова. Вся жизнь юного ученика главы Лагеря Смерти строилась на ненависти и желании одолеть Первого, но то, что тот наконец признал в нем воина, достойного силы берсерка... Барс чувствовал небывалый трепет. Семнадцатилетний парень получит собственный номер и станет чем-то большим, чем безымянный пес без тени признания.

В послеобеденный час новобранцы собрались на тренировочной площадке, чтобы как следует впитать уроки Второго, а барс всю готовился к ритуалу посвящения. Мальчишкам никогда не рассказывали, как получить силу берсерка, а потому он не представлял, что его ждет. Знал лишь, что нужно оказаться на грани смерти, заглянуть в самую бездну вечности и вернуться, сохранив рассудок. Насчет последнего барс волновался больше всего, ведь не один раз новобранцы сходили с ума во время ритуала. Редкие воины могли получить силу берсерка, не растеряв при этом крепость сознания. Бывало и такое, что вовсе не возвращались. Барса тревожили подобные мысли, а потому он расхаживал в казармах от одной стены к другой и бесцельно колотил кулаком ладошку.

Из дверей показался парнишка с рыжей копной волос на голове. Он тащил за собой ржавый котелок и мокрую тряпку, которую вертел в руках, из-за чего во все стороны летели брызги. На мгновение парнишка остановился, глядя на барса, и удивленно показал на него пальцем.

– Так тебя сегодня сделают нумерованным? Это правда?

– Да, сделают, – скупой ответил барс, продолжая измерять комнату шагами.

– Это же здорово! Получишь силу берсерка и наконец сможешь ходить на задания. Мир поводишь!

– Слушай, Рыжий, а тебя не пугает сила берсерка?

– А с чего она должна меня пугать? Ты видел нумерованных? Они с одного маха могут бревно переломить! Я вот тоже таким хочу стать. Поэтому не стоит бояться.

– Разве ты не думаешь о том, что во время ритуала можно погибнуть? – Барс остановился и прищурился, ожидая ответа.

– Ты точно не погибнешь. Ты сильнейший из нас. Первый же сказал сегодня – страх делает человека слабее. Верь в то, что все получится, и... ну, все получится!

Барс прикусил губу и напряженно сцепил руки за спиной. Ему нравились ободряющие слова Рыжего. В них хотелось верить. Парнишка громко вздохнул, закинул тряпку в котелок и беззаботно прошелся мимо ровных рядов коек, поставив свою ношу под одну из них.

– Спасибо... – после долгой паузы произнес барс вслед уходящему Рыжему.

– О, да не за что. Ты, главное, борись за свою жизнь. Я думаю, что завтра ты станешь Двенадцатым!

Парнишка вышел, громко хлопнув дверью. Барс остался в казармах в полном одиночестве, а потому позволил себе едва заметно улыбнуться.

«Завтра я стану Двенадцатым...»

К вечеру, когда солнце постепенно поползло к горизонту, скрываясь за высокими горными хребтами, в казарму вошел Первый. Он жестом позвал молодого барса за собой, чтобы сопроводить к месту, где пройдет ритуал. Измотанные тренировкой новобранцы, запыхавшись, смотрели на него с содроганием. Каждый, кто отправлялся на ритуал, в их глазах становился героем... или злодеем, если зависть затмевала собой гордость. Второй, стоя на тренировочной площадке, в последний раз окинул барса встревоженным взглядом и прикрикнул на мальчишек, толпящихся без дела.

Первый вел ученика сквозь лес, по запутанным тропам, через овраги, утонувшие в сугробах, мимо упавших и припорошенных снегом стволов деревьев. Барс озирался по сторонам, будто старался наглядеться напоследок. Будто верил в худший исход, но потом тут же мотал головой, стараясь отогнать дурные мысли. Солнце пряталось за хребты, укутывая лес сумраком. Одна большая тень разом скрыла всю долину, отпирая двери ночи и крепкому морозу.

Перед глазами барса предстала пещера. Кажется, именно сюда уходили старшие нумерованные, когда им нужно было покинуть Лагерь Смерти. Ученик Первого оказался здесь впервые. Он облазил всю долину вдоль и поперек, знал каждый куст и каждое дерево, но в этот день увидел сразу два новых места. Его раздирало любопытство, но в то же время юный барс тревожился за свою жизнь. Первый невозмутимо шагал впереди, уверенно сворачивая сначала в один темный проход, затем в другой. В руке он держал факел, оттого холодные каменные стены пещеры мигом озарялись приятным теплым светом.

– Далеко еще идти? – спросил барс, оглядываясь назад.

– Почти пришли.

И правда, вдалеке стал виден свет. Ученик и наставник вышли в просторный грот, на стенах которого яркими огоньками горело множество факелов. В центре располагалось небольшое круглое озеро, а в его толстом льду была проделана дыра шириной в полтора шага. Отколотый кусок замерзшей воды лежал рядом, на поверхности, будто кто-то вырезал его и вытащил, потехи ради. Рядом с озером стояли еще трое нумерованных: Четвертая, Пятый и Седьмой.

Первый прошелся по гладкому льду, слегка прикрытому инеем, и остановился, властно сцепив руки за спиной.

– Тренировка на озере была неспроста. Сейчас ты уже не рядышком с водой постоишь, а будешь нырять. Если не сможешь...

– Не продолжай, – перебил его барс, нахмутив брови, ведь он прекрасно знал, что, если проявит трусость, его ждет бездна вечности. – И это весь ритуал? Нужно просто нырнуть?

– Попробуй, – мягко произнесла Четвертая и слегка прикусила палец.

Но барс не особо верил эксцентричной нумерованной, а потому кинул укоризненный взгляд на Первого, желая, чтобы тот подтвердил приказ.

– Ныряй, – жестко ответил тот.

Барс громко выдохнул, ощущая тревогу, и принялся стягивать шерстяной жилет и рубаху. Он чувствовал на себе колкие взгляды нумерованных и легкое недоверие, которое воины испытывали к нему. Оно и понятно – последний раз успешный ритуал произошел около пяти лет назад. Безусловно, из некоторых новобранцев пытались сделать нумерованных, но почему-то ни один из них не смог пройти испытание. Большинство погибли или сразу, или через время. Двенадцатый номер так и оставался никем не занятым. Оттого и юный барс начал нервничать сильнее с каждой минутой. Он бы с усердием выполнил любое задание, но осознание того, что придется нырять, вызывало в нем легкую дымку страха.

Когда с ботинками было покончено, барс встряхнул руками и не спеша подошел к Первому, стоящему рядом с прорубью. Четвертая оглядела голого по пояс новобранца и вздрогнула, поплотнее запахнув жилетку.

– На тебя даже смотреть холодно.

– А ты не смотри, – язвительно высказался Пятый.

Его морщинистое лицо, подернутое болезненной серостью, скривилось презрением, отчего Четвертая нахмурилась и запахнулась еще сильнее. Седьмой стоял в стороне и без особого интереса наблюдал за собратями, слегка постукивая носком ботинка по каменному полу и почесывая щетину на лице.

Стоило барсу оказаться на краешке проруби, как нумерованные тут же замолчали, оставаясь на месте, не издавая ни звука. Только легкие всплески воды иногда нарушали тишину. По каменным стенам пещеры они разбрызгали яркие блики, отдающие таким же холодом, как и лица воинов вокруг. Юный барс смотрел в толщу воды и ощущал мурашки на коже. Прозрачная поверхность несколько его не манила, наоборот, отталкивала своей непредсказуемостью, властью. Первый прокашлялся и уверенно произнес хриловатым голосом:

– Расходимся. Он не прыгнет.

Барс оскорбился от его слов. Ему казалось, что он стоял возле края проруби всего минуту, хотя на самом деле прошло намного больше. Наставник нахмурился, всем видом показывая полнейшее разочарование. Его суровое лицо, испещренное мелкими шрамами, сделалось непроницаемым, темным. Барс не любил, когда Первый становился таким. Он будто переставал замечать потенциал ученика, отчего тот терял и без того незначительные остатки веры в себя.

– Насколько здесь глубоко? – спросил наконец барс.

– Четыре моих роста, – угрюмо ответил Пятый и скрестил руки на груди. – Я проверял.

Четвертая закатила глаза, а Первый продолжал сурово прожигать взглядом ученика. Он уже хотел махнуть рукой и отменить ритуал, что было для него несвойственно, но юный барс не моргнув глазом сделал уверенный шаг и провалился под воду, не выплеснув на лед ни капли. Нумерованные почти одновременно хмыкнули.

– Надо же, – усмехнулся Первый. – Он все-таки прыгнул.

Пятый и Седьмой быстро подскочили к проруби и по приказу главы Лагеря Смерти сдвинули ледяной валун, закрыв дырку в озерном покрове. Четвертая, измученная любопытством, тоже подошла ближе и устала вниз, пытаясь высмотреть новобранца подо льдом.

– Знаете, а со стороны это выглядит очень жестоко, – высказалась она. – Мы будто пытаемся его утопить.

– Иначе он тут же вылезет наружу, – отрешенно пояснил Первый.

– Из-за страха глубины?

– Нет. Из-за инстинктов. Он неосознанно хватается за жизнь при любом раскладе, поэтому нужно силой довести его до предсмертного состояния. А сделать это возможно только так.

– Ну да, нас ты так не запирали.

– Вы и без этого справились, верно?

Резкое погружение жгло кожу бодрящим холодом. Ледяная вода давила со всех сторон, а непроглядная тьма, окутывающая дно, пугала и замораживала одновременно. Барс пытался сдерживать себя, чтобы как можно дольше оставаться под водой, но резкий приступ тревоги за свою жизнь все же накрыл его с головой. Он попытался всплыть на поверхность, не боясь провалить испытание наставника, но уперся ладонями в непрístupную корку льда. В панике обшарив ближайшую поверхность, барс с досадой отметил, что выхода уже нет.

«Заперли? Они заперли меня здесь?! Я же погибну! Может, так Первый хотел убить меня? Жестоко! А я ведь поверил ему! Во имя снежных ястребов! Во имя снежных ястребов!»

Мысли металась в голове, а сердце билось с бешеной скоростью. Барс со злобой ударил лед кулаком и попытался закричать, но вода подавила его ярость. Первый стоял наверху, прижав ботинок к валуну, закрывшему прорубь, и с каменным лицом смотрел за тем, как его ученик идет ко дну. Снова. Прямо как в прошлый раз. Четвертая прижала ладони к груди и еле сдерживала себя, чтобы не кинуться разбивать корку льда голыми руками. Последний раз белое пятно волос мелькнуло в толще воды и скрылось в непроглядной тьме пещерного озера.

Факелы молчаливо освещали нумерованных, напряженно стоящих неподалеку от проруби. Прошло уже четыре с половиной минуты, но никто так и не показался из-под льда. Первый нисколько не изменился в лице, будто до сих пор ждал возвращения ученика из мира вечности.

– Слушайте, – тихонько произнесла Четвертая. – А не сгинул ли он часом?

– Наверняка сгинул. Много времени прошло, – с нотой тревожности отметил Пятый.

– Зря мы его закрыли.

– Нет, не зря, – неожиданно громко рявкнул Первый, не сводя взгляда со льда. – Барсов так просто не убить. Он жив. Он точно еще жив.

Безмятежность. Пугающая безмятежность. Мышцы сводит от ледяных прикосновений самой смерти, но сердце уже не болит, мысли больше не путаются, не сворачиваются в клубки, не душат сознание цепкими пальцами страха...

Барс сидел на самом дне, скрестив ноги, будто вокруг была не вода, а приятный летний воздух, наполненный запахом подтаявшей на солнце хвойной смолы и свежести. Потоки обжигающе ледяной воды проносились мимо, словно ветер, слегка касаясь щек и игриво тормоша белоснежные волосы.

«Ты пришел к нам...»

«Кто это сказал?»

«Ты пришел на нашу могилу, чтобы узреть нас...»

«Кто вы?»

«Кто мы? Какой глупый вопрос. Теперь мы – это ты...»

Ледяная вода, окутывавшая тело барса, медленно нагревалась, пока не зашипела, пуская на поверхность пузыри. Она закипела, забурлила, пронизанная алыми отблесками. Первый, стоя на льду, напрягся, заметив изменения в спокойном озере.

– По моей команде поднимайте этот кусок.

– Ого! Так у него получилось обзавестись силой берсерка! – Четвертая припала к льду и прищурилась, всматриваясь в глубь. – Давненько такого не было!

– Выводы делать рано. Пусть сначала выживет, – спокойно произнес Седьмой и приготовился хвататься за край ледяного валуна.

Но тут инстинкты нумерованных завопили об опасности, отчего воины непроизвольно отшатнулись от проруби. Они и сами были не в силах объяснить свое поведение. Им почуди-

лось, что из глубины пещерного озера на них движется само зло. Пятый напряженно сглотнул и крепко схватился за рукояти мечей в ножнах.

– Ты чего делаешь? – осторожно спросила Четвертая.

– Не знаю.

– Страшно стало, что ли?

– Да ну тебя.

Первый их совсем не слышал. Он пристально вглядывался в легкое алое свечение, пробивающееся сквозь толщу воды. До последнего глава Лагеря Смерти собирался приказать, чтобы кусок льда убрали из проруби, но что-то будто останавливало его. Страх? Да быть такого не может! Он нумерованный, чья сила превосходит всякого в этом мире, но что же тогда вызывало в нем такой трепет? Первый и сам не знал. Не успел он поднять руку, чтобы все-таки дать команду, как тут же поверхность льда раскололась с диким треском. Сильный удар пустил белесые полосы по озерному покрову, разбрызгал, взбаламутил воду. Нумерованные отпрыгнули в сторону, подальше от проруби и в недоумении глядели на кулак, который пробил толстую корку льда. Он горел алыми полосами и источал кровавую дымку, вселяющую ужас.

Первый попятился и, едва заметно улыбаясь, наблюдал за тем, как юный барс, преисполненный силой берсерка, поднимался из воды на лед. Легко, будто это ничего ему не стоило, будто холод не пробрал его до костей, не свел с ума, не сковал судорогами мышцы. Будто он не сидел под водой почти пять минут без воздуха и надежды. Влага тут же испарилась с раскаленной кожи, испуская тонкие нити пара. В глазах юного барса горел настоящий огонь. Он плескался и переливался в зрачках, отчего Первый пришел в восторг.

– Отлично! – радовался он. – Вот теперь ты оправдал мои ожидания! А то я уже подумал, что ты решил сгинуть мне назло. Ну же, ответь, как тебе эта удивительная сила?

Но барс упорно молчал, прожигая наставника взглядом. Выждав недолгую паузу, он согнул колени и со всей силы оттолкнулся ото льда, за одно короткое мгновение оказавшись подле главы Лагеря Смерти. Первый едва успел среагировать и выставить блок руками, а иначе мощный удар сломал бы ему ребра. Отлетев в каменную стену, он только и успел прорычать себе под нос:

– Во имя снежных ястребов...

Барс, поглощенный силой берсерка, тут же оказался перед ним и, низко пригнувшись, попытался нанести еще один мощный удар кулаком, но Первый и сам инстинктивно покрылся кроваво-красными полосами и ловко увернулся. Кулак барса врезался в стену и раскрошил крепкий камень, пустив тонкие трещины в разные стороны. Костяшки пальцев окропились кровью, но его это не волновало. Издав глухое рычание, барс опустил на корточки и оскалил зубы. Теперь он воистину стал похож на дикого зверя.

– Ты меня слышишь? – осторожно спросил Первый, встав в боевую стойку. – Ты вообще меня понимаешь?

– Он что, сошел с ума?! – истерично закричала Четвертая, вытаскивая из ножен кинжалы и окуная их в бутылку с ядом.

– Я не знаю.

– Раньше такого не было, ведь так?

– Нет, не было. Похоже, сила берсерка полностью поглотила его разум.

– Наш барсик к нам не вернется, что ли?

– Да не знаю я! Помолчи!

Юный барс с молниеносной скоростью метнулся к Первому и наткнулся на древко копья, отчего снова не смог попасть в цель. Он носился вокруг, делал быстрые перекаты и наносил удар за ударом. Нумерованные хотели помочь главе Лагеря Смерти отбиться от ученика, утонувшего в собственной ярости, но Первый жестом приказал им оставаться на местах. Он успел

понять, что барсу была нужна его жизнь. Только его одного. Четвертая старалась моргать как можно реже и следить за атаками и блоками двух противников. Учителя и ученика.

– Приди в себя, барс! – закричал Первый, отбросив копье и поймав его кулаки. – Не дай силе берсерка поглотить тебя! Ну же, борись с ней! Ты сильнее, ты точно сильнее, чем она! Борись!

Но ученик лишь снова оскалил зубы, словно зверь, глядя наставнику прямо в глаза. Хорошо упершись босыми ногами в холодный каменный пол, юный барс пересилил Первого, заставив его отступить сначала на один шаг, потом еще на один. Тот, обхватив ладонями окровавленные кулаки ученика, до последнего пытался сопротивляться, но ощущал свое отчаянное положение, ощущал свое бессилие. Наконец барс вырвался из захвата и со всей силы ударил Первого в живот, отчего он снова отлетел и, перекатившись по полу несколько раз, врезался спиной в стену. Из его рта закапала кровь, но Первый выглядел довольным, пока пытался подняться на ноги. Алые полосы на теле медленно потухли, но это его несколько не огорчило.

– Вот это... мощь, – полушепотом восхищенно произнес он. – Вот это сила!

Первый с трудом поднялся, взглянул перед собой и обомлел. В пяти шагах от него трое нумерованных поставили барса на колени и еле умиряли его порыв добить наставника. Воспользовавшись собственной силой берсерка, Седьмой и Пятый держали его за руки и блокировали попытки подняться, зажав голени, а Четвертая крепко обхватила его шею. Но даже в плотном захвате парень умудрялся заставить их напрягаться по полной. На их лицах застыли напряжение и тревога. Они не сомневались, что в то мгновение барс был способен убить Первого.

– Сделайте что-нибудь! – сдержанно прикрикнула Четвертая, боясь хоть на мгновение ослабить хватку.

– А что мы сделаем? – возмутился Пятый. – Как бы самим не отхватить!

– Крепче держи, крепче! – вставил свое слово и Седьмой, раздраженно сдув с лица упавший локон.

– Да держу я! Сам, небось, вполсилы держишь!

Первый растерянно посмотрел сначала на всю эту картину, а затем на свои трясущиеся руки. Он не мог признать даже самому себе, что испытал неведомый ужас. Всего несколько часов назад глава Лагеря Смерти твердил ученику, что страх – слабость каждого воина, что нумерованные всегда побеждают свои страхи, но теперь он сам стоял на месте и не мог пошевелиться. Первый раздраженно цокнул языком и крепко сжал кулаки. Юный барс смотрел на него взглядом, прожигающим насквозь. Его глаза были преисполнены ненавистью, она буквально выплескивалась из него, заставляя алую дымку клубиться и завихряться.

Наконец Первый сделал несколько шагов навстречу и опустил на одно колено перед учеником.

– Все, барс, возвращайся к нам, – на удивление спокойно попросил он. – Уже пора. Давно пора.

Поднявшись, он быстро шагнул к проруби и окунул ладонь в ледяную воду, после чего вернулся и приложил прохладные пальцы к раскаленной груди барса, в которой билось дикое сердце. От прикосновения тот вздрогнул и перестал вырываться из рук нумерованных.

– Кажется, получилось, – устало выдохнув, огласил Седьмой.

Алые полосы постепенно тускнели и тускнели, пока вовсе не исчезли. Кроваво-красная дымка рассеялась. Барс вдохнул холодный пещерный воздух и медленно выдохнул. Первый ухватился за его подбородок и внимательно посмотрел в глаза.

– Ты меня слышишь?

– Да... слышу, – шепотом ответил тот, ощущая немыслимую усталость.

– Что последнее ты помнишь?

– Воду... холодную... и чьи-то голоса на дне озера. Они шептали, шептали нечто непонятное, а потом...

– Что потом?

– Потом я увидел твою озадаченную физиономию перед собой...

Четвертая прыснула от смеха и выпустила шею барса из захвата. Другие нумерованные последовали ее примеру, оставив юношу сидеть на коленях на полу. Первого, однако, ситуация не особо веселила.

– То есть ты не помнишь, как использовал силу берсерка? – сосредоточенно спросил он.

– А я ее использовал?..

Юный барс хотел сказать что-то еще, но резкая боль в сердце оборвала поток его мыслей. В грудь будто вонзили десятки кинжалов, сотни мечей и тысячи стрел. Внезапная судорога парализовала мышцы и не давала сделать даже пары вдохов. Барс чуть не упал вниз лицом, но инстинктивно успел опереться на руку, а другой схватился за грудь. Хотелось разорвать кожу, проломить ребра и сжать в руке сердце, приказывая ему успокоиться.

– Да, – кивнул Первый. – Ты использовал силу берсерка. Однако наше тело к ней не привыкло, а потому старается убедить нас в том, что она нам не нужна. Она чужеродна для людей. Если после первого раза ты выживешь, значит, твой организм сможет и дальше пользоваться этой силой. Ты уже понял, чего я от тебя хочу? – Первый подался вперед и чуть слышно шепнул барсу: – Я хочу, чтобы ты выжил, *Двенадцатый*...

Глава 15. Караван и звон монет

Ильберс тяжело поднял веки и ощутил вокруг липкую духоту. Теплый воздух был сухим и колючим, хотелось пить. Через желтый навес пробивался яркий солнечный свет, от которого болели глаза, но барс все же собрался с силами и осмотрелся. Его положили на твердую поверхность, застеленную жестким цветастым ковром, а под колени засунули свернутое шерстяное одеяло. Вокруг витали ароматы специй и тартумских благовоний. Запах был довольно приятным. Ильберс позволил себе еще немного полежать с закрытыми глазами, наслаждаясь окружением. Его слегка покачивало из стороны в сторону, как на борту лодки. Только вместо шума волн его ушей достигал легкий шелест песка.

«Неужели мне все-таки повезло попасть в караван господина Титэ? Наверняка я катаюсь на спине верблюда...»

– Очнулся?

Ильберс слегка повернул голову и увидел рядом с собой красивую женщину с покрытой головой и в яркой одежде. Цветной палантин, украшенный золотыми нитями и драгоценными камнями, выдавал в ней знатную особу. Ее кожа была смуглой, а глаза черными, словно ночная тьма. Женщина внимательно смотрела на барса и явно ждала от него хоть какого-то ответа.

– А разве похоже на то, что я еще сплю?

– Ты уже просыпался. Дважды. Однако вел себя так, словно твой разум был далеко отсюда.

– Во имя снежных ястребов... – тихо пробубнил Ильберс.

– Кхм.

– Во имя Великого Тара, – поправился он.

– Итак. Таром просил взять тебя с собой, но так и не сказал, кто ты такой. Истратив щепотку смелости, я проверила твою сумку и нашла проходную грамоту, значит, ты имеешь право попасть в пустыню. Но все-таки – кто же ты такой?

«Как хорошо, что она не стала листать дневник Первого...»

– Меня зовут Ильберс. Я телохранитель...

Барс обомлел. В памяти одно за другим всплывали воспоминания последних дней и словно ледяной водой его окатили. Величественный город Тартум, Тар-Дануэ, дворец наместника Тар-Эну, наемник Таром, гвардеец Медведь и юный Арфариан. Его смерть до сих пор не могла уложиться в голове Ильберса, отчего он медленно перевел стеклянный взгляд на потолок уютной кибитки. Как же ему захотелось вернуться, найти Кагара и лично всадить стрелу ему в грудь. Убить его так же, как он убил Арфариана – беззащитного, невинного ребенка. В этот момент сердце снова заныло, заболело, как в самый первый раз – когда безымянный новобранец впервые получил силу берсерка и стал Двенадцатым. Тот день он снова увидел во сне, вспомнил Лагерь Смерти и наставника. Но сейчас из головы никак не выходил юный наместник Арфариан, чью жизнь оборвала родная стрела, выпущенная из родного оружия. Он лежал рядом, его лук. Ильберс не хотел даже смотреть на него.

– Эй, ты снова в забытьи провалился? – не смущаясь своей назойливости, спросила женщина.

– Свое имя я вам назвал, – холодно отчеканил Ильберс. – Назовитесь и вы.

Она сморщилась, когда барс угрюмо посмотрел на нее каменным взглядом.

– Меня зовут Тилмтэру. Я подручная господина, который в ответе за караван. А ежели вы телохранитель – чью жизнь охраняете?

– Это неважно.

– Для моего господина – важно, ведь вы можете втянуть весь караван в свои междоусобицы. А пока мы с вами окончательно не испортили друг другу настроение, скажите: в каком поселении вас высадить?

Ильберс задумался, ведь совершенно не представлял, где ему искать нумерованных. Он знал о нескольких известных деревнях и оазисах в пустыне, где обитали люди, но местонахождение братьев было ему неизвестно.

– Вы не знаете, где я могу найти людей в ошейниках – нумерованных?

– Искать этих чернодушных – неблагородное занятие. Великий Тар этого не одобряет. Как и их присутствия в Солнечном море.

– Где они? Мне нужно доставить их под стражу в Светоград. За этим я и явился в пустыню.

Тилмтэру растянула уголки губ в довольной ухмылке, будто переиграла всех соперников в таодэн.

– Про одного из них я точно знаю – он поселился в Тартунасе. Про остальных двух уже давно ничего не слышала. Кто-то видел алых чудовищ в ошейниках, а кому-то просто почудилось – не поймешь.

– Тогда мне нужно в Тартунас.

– Поняла. Вы можете отдохнуть в караване еще полноценных два дня.

Женщина отодвинулась подальше, в противоположный угол кибитки, и облегченно выдохнула, сложив руки на коленях. Ильберс чувствовал, что, вероятно, был груб с ней. Ничего, кроме дурных воспоминаний и гнева на Кагара, не витало в его голове, оттого он стал постепенно стыдиться себя за излишнюю холодность. Тем более когда барс слегка приподнялся, он обратил внимание на то, что его раны были аккуратно перебинтованы. На белых полосках ткани проступали алые пятна, но тем не менее чувствовалось, что перевязали его с должным трепетом и прилежанием. Взглянув на руки, Ильберс поспешил натянуть рукава на ладони, чтобы скрыть следы засохшей крови. Знал бы господин Титэ, кого взял в свой караван, – сразу бы избавился от барса, а помощница наверняка пожалела бы, что потратила столько бинтов на лечение нумерованного.

– Простите, – скупно извинился Ильберс за свою прежнюю холодность, смущенно отведя взгляд в сторону.

– Мне понятны ваши чувства. Наверняка вы пережили ужасные вещи, а я пристала к вам с расспросами. Это мне должно просить прощения.

– Не нужно. Вы и так много для меня сделали. Вы и ваш господин.

– Теперь все хорошо. Отдыхайте.

Ильберс аккуратно сложил руки на груди, повыше того места, где была забинтована рана, и закрыл глаза. Мерное покачивание кибитки убаюкивало, наливало веки тяжестью, усыпляло, но барс не мог больше заснуть. Кровавые сцены во дворце Тар-Эну мелькали перед глазами и давили разум и душу чувством вины. Он не смог спасти мальчишку, ему не хватило сил даже на то, чтобы остаться целым и невредимым. Арфариан погиб у него на руках, а после всего этого он устроил настоящий кошмар. Ильберс потерял контроль над собой, выпустил силу берсерка и лишил жизни многих людей. Барс явственно ощущал, что отнюдь не тело его было ранено. А душа. Она истекала кровью и кричала от боли.

«Ну и какой же я чистейший барс после этого? Я – чудовище. Многие за время моего путешествия говорили о том, что бывших нумерованных не бывает. Может, они правы? Я пытаюсь измениться, стать лучше, чище... А что, если это невозможно? Что, если я навсегда останусь лишь убийцей? Наверняка это не последний раз, когда я лишаю кого-то жизни...»

Внезапно снаружи послышались приглушенные крики.

– Пески! Зыбучие пески! Скажите господину Титэ!

Со всех сторон начались возня и громкие разговоры. Другие наездники высовывались из своих кибиток и передавали сообщение дальше, громко возвещая о приближении опасности. Тилмтэру тоже спешно привстала и выглянула на улицу. Сквозь щель Ильберс увидел голубое небо без единого облачка и желтые верхушки песчаных дюн, сверкающих на солнце. Помощница господина взмахнула рукой, сделав причудливый жест, и вернулась на свое место. Барса удивила ее реакция. Женщина, казалось, ничуть не боялась приближения зыбучих песков.

Первый когда-то рассказывал новобранцам об опасностях пустыни и вскользь упоминал о тех местах, где можно стать ужином жестоких дюн. Правда, он и сам не ведал, как проскочить мимо и остаться в живых.

Ильберс приподнялся на локтях и с тревогой спросил у Тилмтэру:

– Как же мы преодолеем зыбучие пески?

– Ты первый раз в пустыне? – невозмутимо произнесла она.

– Ну да.

– Тогда держись крепче. Будет немного трясти.

Женщина удобно села на колени в передней части кибитки и взялась за вожжи, которые Ильберс заметил только сейчас. Они торчали из горизонтальной щели в ткани, и, когда Тилмтэру дернула за них, верблюд резко прибавил скорости. Барс крепче вцепился в деревянные опоры, к которым крепилась ткань навеса, и внимательно прислушался к звукам снаружи. Похоже, остальные верблюды из каравана тоже ускорились. Кибитку трясло и мотало в разные стороны. Ильберсу чудилось, будто в один прекрасный момент она свалится на песок вместе с ним и Тилмтэру. Женщина, однако, выглядела абсолютно спокойной. Барс не выдержал и срывающимся голосом закричал, пытаясь не вылететь наружу:

– Что происходит?!

– Мы несемся через зыбучие пески, а что? Что-то не так?

– Тогда почему нас не засосало?!

– Во имя Великого Тара! Ты совсем ничего не знаешь? Если мы будем стоять на месте или двигаться слишком медленно, то нас засосет. А если бежать быстро, тогда мы проскочим и все останутся целы!

– Как так?

– Когда караван движется быстро, песок становится твердым, а когда медленно – жидким!

– Чудеса... – восторженно произнес Ильберс.

– Чудо, ниспосланное Великим Таром!

Через некоторое время женщина снова потянула вожжи, и верблюд замедлился. Еще долго несчастное животное недовольно фыркало и громко дышало носом. Ильберс отцепился от деревянных опор и устало лег на спину, подложив под голову руки. Тилмтэру подползла к нему, придерживая полы своего одеяния, и мягко шепнула:

– Рано расслабляться. У тебя есть с собой золотые монеты?

– Я должен заплатить за поездку в караване? Мне об этом не говорили.

– Нет, деньги нужны не для оплаты. Точнее, для оплаты, но не мне, и не господину Титэ. Золото нужно отдать Великому Тару в благодарность за то, что он бережет наши жизни среди песков.

– Ого. Это обычай такой?

– Дань традициям и... Великому духу песков и вольного ветра.

Женщина вытащила из карманка на юбке горстку золотых монет и показала ее барсу. Тот тоже миглом пошарил пальцами в поясной сумке и достал несколько штук. Затем Тилмтэру приоткрыла края навеса, благодаря чему Ильберс смог увидеть, как из кибиток, едущих впереди, люди бросают монеты прямо на песок – в одно и то же место. Маленький желтый бугорок с жадностью проглатывал дань, засыпая золото рассыпчатым песком. Тилмтэру швырнула свои

монеты, после чего и барс, недолго думая, сделал точно так же. Даже попал ровно в середину бугорка. Он внимательно наблюдал за тем, как его золотые монеты засасывает в песок, пока их не стало вовсе не видно. Ильберс готов был поклясться, что если он сию минуту подскочит к бугорку и попытается его раскопать, то в нем уже ничего не будет.

– Теперь все хорошо, – улыбаясь, сказала женщина. – Теперь Великий Тар нас не тронет.

Через пару спокойных часов караван вдруг остановился. Снаружи стали доноситься довольные голоса и хлопки в ладоши. Справа от кибитки Тилмтэру прошли двое мужчин. Поначалу они громко смеялись, но потом обогнули верблюда и приоткрыли навес с левой стороны.

– Как он тут? Не улетел в зыбучие пески? – шутливо спросил один из них, придерживая тюрбан на голове.

– Удержался, – иронично ответила Тилмтэру и намеренно шлепнула барса по раненой ноге.

Ильберс злобно сморщился и приподнялся на колени. Мужчины подали руку помощнице господина и аккуратно спустили ее с верблюда на песок. Сухой ветер тут же всколыхнул ее одеяния, заставив золотые нити сверкать в лучах солнца. Барсу никто помогать не собирался, а потому он сам подполз к краю, свесил ноги и спрыгнул, снова сморщившись от боли. В глаза тут же ударил яркий свет, а потому Ильберс предпочел закрыть их ладонью. Капюшон в пустыне стал для него настоящим спасением.

Привыкнув к здешнему солнцу, барс немного осмотрелся и чуть дар речи не потерял. Он и представить себе не мог, что караван господина Титэ окажется таким огромным. Высокие величавые верблюды тянулись сплошной цепью и до сих пор высывались вдалеке из-за желтых дюн. Да и начало каравана было довольно далеко. Тилмтэру в окружении двух статных мужчин в тюрбанах плавно вышагивала мимо многочисленных наездников и кибиток. Ильберс не знал, что ему делать, а потому пошел следом, слегка прихрамывая.

Жара изнуряла и сводила с ума. Одежда постепенно становилась мокрой и липкой, а начало каравана все еще размыто маячило на горизонте. Наконец барс заметил впереди белую каменную стену, которая медленно выплывала из-за дрожащего миража. Ильберс остановился, в изумлении наблюдая, как полупрозрачная дымка растворяется в воздухе, становится плоской и стелется по песку. Ему мерещилось, будто между желтыми холмиками скопилась влага, но стоило подойти поближе, как она бесследно исчезала. Пустыня обманула его множество раз, пока он специально не потрогал пальцами и не убедился, что песок все-таки сухой. Потом из-за миража стали показываться высокие зеленые пальмы с сочными листьями и соломенные крыши двухэтажных домиков. Доковыляв до ворот, Ильберс был готов упасть рядом с ними и лежать до самой ночи, но справа вынырнула Тилмтэру и, взяв его за руку, потянула в поселение.

– Где мы? – спросил у нее барс, страдая от жары.

– В Тарнадиле. Тут переночуем, а потом пойдем дальше, через Тарлун, мимо Тархала...

Женщина начала без умолку перечислять поселения, которые собирался посетить караван, вот только Ильберс почти ничего не запомнил.

Вокруг стало чуть свежее. Мощная зелень дарила долгожданную тень и прохладу, что не могло не радовать. Тарнадил был крупным поселением, оазисом в пустыне. В его центре располагалось овальное озеро, из которого брали воду местные жители и караван господина Титэ. Люди приспособились к жизни: они рыли каналы и занимались сельским хозяйством, выращивая пшеницу и финиковые пальмы.

Тилмтэру быстро провела барса мимо небольшого поля и островка деревьев. Ильберс только мельком успевал оглядываться по сторонам. Тропинка петляла между пальмами, которые низко опустили сочные листья; между колючими кустами, сплошь увешанными красными шариками с шипами; между песчаными булыжниками с нацарапанными на них письменами, неведомыми барсу. Вдалеке послышался шум воды. Тилмтэру отодвинула рукой нависшие над

тропой листья и показала Ильберсу чудный вид. Впереди был уютный закуток с маленьким озерцом, в которое с невысокого уступа неспешно погружался водопад. Вокруг росло немыслимое количество зелени. Она нависала над укромным уголком природы, заслоняя его от горячего солнца и сухого пустынного ветра. Здесь было спокойно и безмятежно. Ильберс даже забыл о том, что его всегда тревожит глубина.

– Правда красиво? – шепотом спросила женщина.

– Да, очень красиво.

– Это место называют Озером Очищения. Поговаривают, что оно способно усмирить бурю в душе и отмыть телесные терзания. – Тилмтэру развернулась и медленно побрела обратно, оставив барса в одиночестве. – Искупайся. Полегчает.

Ильберс проводил ее взглядом, а затем закатал рукава и с досадой посмотрел на руки, по локоть покрытые засохшей кровью.

«Очищение мне и правда не помешает...»

Приятный шум воды успокаивал, а запах влажной зелени навевал теплые воспоминания об уютной деревеньке на Аквамариновом острове, которую Ильберс так полюбил. Так же, как полюбил тамошнюю маленькую принцессу. Каолама дожидалась его возвращения во дворец Светограда, который тоже стал дорог сердцу барса.

– Как же хочется снова ее увидеть... – прошептал он, закрыв глаза.

Через пару мгновений Ильберс принялся с наслаждением расстегивать ремешки колчана и сумок, снимать одежду и бросать все в кучу. Пришлось с силой отдирать от себя обрезанную безрукавку, цвет которой был уже вовсе не белым, как раньше, а кроваво-розовым. Да и со штанами произошла та же беда. Избавившись от рабских одеяний, пропитанных кровью и неприятными воспоминаниями, Ильберс обратил внимание на сверток песчаного цвета, который оставила ему Тилмтэру, когда уходила. Запасная одежда оказалась очень кстати.

Вода в озере была невероятно теплой и приятной. Ильберс не боялся глубины, когда погружался с головой, – наоборот, в его душе зарождалось нечто светлое и чистое. Словно ромашки на лугу или персиковые облака в предзакатную пору, когда горячее солнце перестает быть горячим, а в воздухе витают стрекозы с прозрачными крылышками. И пахнет душистыми травами. И пахнет самой жизнью. Ильберс плавал на спине на поверхности озера и ощущал, что именно сейчас он снова ожил. Именно в эту секунду его сердце наконец успокоилось, а мысли уподобились водной глади.

– Вот бы Каолама тоже побывала в этом месте...

Позади шумел водопад и шелестели пальмовые листья, пока Ильберс перебинтовывал раны. Благо он всегда таскал с собой маленький пузырек с целебной мазью Знахаря. А после барс принялся примерять новые одеяния. Тилмтэру угадала с размером, но мало того, она точно определила, что для воина будет удобнее всего: длинные свободные штаны песочного цвета, такая же песочная рубаха с белой полосой на поясе и капюшоном, который собирался тонким шелковым шнурком. На конце рукавов были пришиты петельки, чтобы надевать их на большие пальцы, а в кармане Ильберс нашел платок из плотной ткани, чтобы завязывать на лице – не каждому захочется жевать песок при любом дуновении пустынного ветра. В одежде, сшитой из хлопка, совсем не было жарко. Теперь барс снарядился как полагается, вернув ножны с кинжалом из драконьей стали на бедро, зацепив сумки на поясе и застегнув ремни колчана. На собственный лук он все еще смотрел с неким недоверием, но все-таки привычным жестом продел его через плечо.

Со стороны водопада послышались странные хлопки. По спине Ильберса пробежали мурашки, ведь именно с таким звуком на свою жертву налетали снежные ястребы. Он резко обернулся, коснувшись рукояти кинжала, и заметил сверху на уступе огромную птицу – изящную бежевую сову. Ее черные глаза внимательно смотрели на барса со светлой мордочки. Пес-

чаные перья слегка колыхались от нежного ветерка, а острые когти прочно впились в мокрый камень. Ильберс сглотнул, не отрывая глаз от птицы. Что-то в ее взгляде вызывало внутренний трепет и глубокое уважение, будто это самое мудрое существо на всем континенте. Барс тут же вспомнил, что в своих рукописях Пьемонто Галери называл сов очень умными птицами, перьями которых пишутся лучшие тексты. Она долго сидела неподвижно, заслоня собой солнце, а после грозно хлопнула крыльями и скрылась за водопадом, обдав барса мощными потоками воздуха.

«Красивая птица...»

Приближалась ночь. Ильберс вернулся в поселение знакомыми тропами и попал как раз к ужину. На площадке неподалеку от каменной стены наездники каравана развели огромный костер и расположились вокруг него. Воздух был наполнен их задорным смехом, лишь иногда затмеваемым треском огня. Барс подошел ближе и незаметно швырнул в пламя свои рабские одеяния. Он надеялся избавиться от дурных воспоминаний, которые связывали его с дворцом Тар-Эну, а потому с наслаждением наблюдал, как чернеет и ежится светлая ткань.

Сзади из толпы вынырнула Тилмтэру и, встав на носочки, шлепнула Ильберса по плечам, отчего тот вздрогнул и цокнул языком.

– Ну как, понравилось? – задорно спросила она, заглядывая барсу в глаза.

– Да, там хорошо.

– Приятно, когда прошлое смывается водой и сгорает в огне, верно?

– К чему вы клоните? – Ильберс прищурился, взглянув на женщину через плечо.

– Ты сжег одежду, которую носят рабы Тартума. Я же видела тебя, когда бинтовала. Какие тайны ты скрываешь от господина Титэ?

Свои вопросы Тилмтэру задавала с улыбкой, а потому барсу было сложно понять, что именно она подразумевает и с какой целью интересуется. Однако взгляды погонщиков верблюдов из каравана и местных жителей и у него вызывали ответные вопросы.

– А могу ли я сам рассказать об этом господину Титэ? – с легкой ухмылкой спросил Ильберс.

– Скажи мне, а я передам. Я ведь его помощница.

Подозрения крепили, а потому барс наклонился к самому ее уху и тихо прошептал, заставив женщину смутиться:

– А вот я думаю, что никакого господина Титэ и в помине нет.

Тилмтэру хмыкнула.

– Почему же нет? – пискляво воскликнула она. – А кто же тогда управляет всем караваном?

– Ты и управляешь, Тилмтэру. – Ильберс несколько раз произнес ее имя, чтобы наверняка убедиться в своей догадке: – Тилмтэру, Тилм-Тэру, Ти-Тэ. Ты и есть господин Титэ, а точнее, госпожа Титэ, я прав?

Женщина нахмурилась и, закинув край палантина на плечо, показательно отвернулась.

– Кто тебе разболтал?

– Никто. Я сам догадался.

– И как же?

– Твои одежды – самые дорогие во всем караване. Одно только это уже может вызвать подозрения.

– Ничего не могу с собой поделат. Люблю роскошь.

– А еще здесь все относятся к тебе как к истинной госпоже. Слова поперек не скажут.

– Женщинам в пустыне нелегко. Приходится отстаивать свои интересы.

– Да и имя твое уж больно подозрительное. Ты бы хоть прозвище взяла.

– Я прославляю свое собственное имя.

– Но из-за него ты и попалась.

– Во имя Великого Тара... А ты на удивление быстро догадался. Другим моим попутчикам обычно нужно больше времени.

– Слишком простая задачка.

– Может, тогда ты и свою разгадаешь? – Тилмтэру сложила руки на груди и вполборота взглянула на барса.

– Мое имя – Ильберс, служу телохранителем. Я тебе не соврал.

– Да? Тогда почему телохранитель, да еще и представитель не существующего три сотни лет народа, оказался у моего каравана в рабских одеяниях весь в крови?

– Это долгая история.

– Как я и говорила, моему каравану не нужны проблемы. А ты, я чувствую, можешь мне их принести. В кувшинчике на подносе.

– Тогда почему ты взяла меня в свою кибитку? Не страшно было возиться с беглым рабом?

Тилмтэру замолчала и потупила взгляд. Она долго ковыряла носком сандалии песок, пока думала над ответом. Ильберс по глазам видел, что этот процесс дается ей с трудом. Кажется, женщина и сама плохо осознавала, зачем это сделала, однако через пару мгновений она все же сдавленно произнесла:

– Я тебя не боюсь. Потому что ты барс. Когда я впервые увидела тебя, лежащего на песке, мне и в голову не могло прийти, что кровь на тебе – чья-то еще. Ведь барсы чисты и непорочны. Они не ведают сражений, горестей войны и душевной боли, присущей убийцам. Но потом я увидела в тебе все это.

– Тогда почему же ты помогла мне? – Ильберс снова наклонился к ней ближе, чтобы их никто не услышал.

– Потому что прекрасно знаю, что значит заново выстраивать свою жизнь. Песчинка за песчинкой. – Тилмтэру склонила голову и принялась крутить кольца на пальцах. – Женщин в пустыне считают за вещи. Берут без спроса, покупают, продают, обменивают на золото и верблюдов. Я всегда желала иного для себя. Я сбежала из рабства, чтобы начать новую жизнь. Взяв имя – господин Титэ, – смогла завоевать доверие торговцев. С мужчиной ведут дела охотнее, чем с женщиной. Я стала главой крупнейшего каравана Солнечного моря. Поэтому прекрасно понимаю, что ты чувствуешь. Начинать новую жизнь всегда нелегко. Увидев тебя в первый раз, я изо всех сил захотела помочь барсу, который наверняка попал в беду. Твой холодный взгляд, присущий воину, не испугал меня. Наоборот... мне очень захотелось *спасти* тебя. Очистить твою душу, избавить от тревоги, помочь вернуться к истокам и напомнить о том, что ты – барс.

Ильберс не смог сказать в ответ ни слова. Его глубоко тронула речь чужого человека, который был готов на многое, чтобы он снова стал собой. Тилмтэру тепло улыбнулась.

– Твой искренний взгляд говорит о том, что я на правильном пути. Пустыня – обитель Великого Тара. Он воистину принимает лишь тех, кто чист душой и сердцем. Будь собой, и Солнечное море станет тебе домом.

– Очень... проникновенная речь.

– Я старалась.

– Спасибо вам, госпожа Титэ.

– Да брось, не называй меня так. Называй Мудрейшая Владычица Песков и Повелительница Караванов Солнечного Моря, Возвышенная и Непревзойденная Госпожа Титэ.

– Это не смешно. Тут язык сломать можно.

– А чего, смешно же!

В беззаботный момент приятного вечера, когда Тилмтэру задорно смеялась из-за угрюмого лица барса, вдалеке послышалось агрессивное хлопанье крыльев. А затем тишина. Наездники каравана подскочили с мест и начали судорожно оглядываться, пытаясь высмотреть в

темноте источник шума. Костер громко трещал, да и жар был нешуточный, но тем не менее прямо сквозь языки пламени со всех сторон бесшумно налетело множество птиц. Ильберс закрыл собой Тилмтэру и быстро отвел за угол каменного дома. Наездники схватились за сабли и яростно принялись рассекать ими воздух, да только ни по кому не попали. Они злобно бормотали фразы на пустынном наречии и тревожно перекидывались между собой напряженными взглядами. Во время очередного бесшумного налета барс разглядел, что десятки белых сов несутся в бой, словно пустынные воины. Они хватались цепкими лапами за одеяния наездников, рвали ткань, опрокидывали кувшины и сабли, опрометчиво прислоненные к стенам домов.

– Рубите их, рубите! – кричал бородатый мужичок в тюрбане. – Не жалейте сил!

Ильберс хотел кинуться на подмогу, чтобы отбиться от ярости пустынных птиц, но услышал за спиной гневное бормотание Тилмтэру:

– Снова кто-то не отдал дань Великому Тару... Пусть на непокорного падет длань духа песков и вольного ветра. Пусть негодяй ответит перед Великим Таром.

Дикие совы металась в свете костра, словно белоснежные всполохи. Ильберс не выдержал и достал из-за спины лук, вытащил стрелу из колчана и натянул тетиву. Он долго не мог прицелиться, пытаясь выследить хотя бы одну стремительную птицу, а когда нашел цель, подстроившись взглядом под скорость сов, выстрелить так и не получилось – настолько тряслись руки. Барс смотрел на лук, на кончик острой стрелы, смазанный парализующим ядом, на хвостовик идеальной формы с полосками цвета охры... и вспоминал, как из этого самого оружия Кагар убил юного Арфариана. Он снова увидел перед глазами алую кровь мальчишки и ощутил боль, словно стрела вонзилась в его собственное сердце. Барс больше не мог никого убить. Даже свирепую птицу.

Наездники размахивали саблями, рассекая воздух, но совы так и продолжали кружить вокруг костра, царапая одежду и цепляясь когтями за тюрбаны. Ильберс медленно убрал стрелу обратно в колчан и закрепил лук на спине. Со временем ему удалось разглядеть четкие траектории полета яростных птиц, которые выбирали целью своих атак вполне определенных наездников из каравана.

Барс ощутил легкий порыв ветра, будто кто-то дышит ему в спину, и плавно обернулся, глядя вверх. Тилмтэру, стоящая позади него, удивилась его поведению и тоже решила взглянуть через плечо. На крыше соседнего высокого домика с балконом, над круглым окошком, рассыпая мелкую солому, сидела огромная сова. Ее большая светлая голова закрывала собой луну, из-за чего вокруг нее разливалось мистическое свечение. Размеры птицы казались невероятными. Одно ее крыло было длиной в два шага.

Ильберс с содроганием смотрел на птицу, чьи могущество и власть были неоспоримы. Величавая сова мудрым взглядом наблюдала за поселением, постукивая когтем по крыше дома. Легкий пустынный ветер ласково трепал ее бежевые перья, сверкающие в свете луны. Казалось, мощным лапам ничего не стоит раскрошить камень или с легкостью оборвать человеческую жизнь. Но в больших черных глазах не было ярости или жажды крови. Только безмятежность.

– Куда ты смотришь? – спокойно спросила Тилмтэру.

– Ты шутишь?! – с придыханием возмутился Ильберс. – Ты что, ее не видишь?

– Кого?

– Сову! Огромную сову!

Но когда барс снова поднял глаза, чтобы вразумить несчастную, крыша опустела, а дикая стая птиц бесшумно скрылась под покровом ночи.

– Что это было? – донеслось из-за костра, откуда вышли несколько наездников.

– Наказание Великого Тара, – холодно констатировала Тилмтэру, подходя ближе к огню. – Кто-то из вас не заплатил дань в пустыне. Признавайтесь сразу.

– Их видно, – задумчиво произнес Ильберс, указав пальцем на троих самых ободранных наездников, чья одежда превратилась в лоскуты. – Совы нападали преимущественно на них.

– А ты прав, Ильберс. – Тилмтэру улыбнулась. – Сознаетесь? Если скажете правду, тогда господин Титэ позволит вам остаться в караване.

– Д-да, это мы, мы! – пискляво завопил один. – Я думал, что это лишь старая традиция и можно приберечь деньги! Кто же знал, что такое случится?

– Простите нас, госпожа!

– Простите!

– Гнев владыки песков страшен. Впредь избегайте его, – сурово произнесла Тилмтэру и, пафосно закинув край палантина на плечо, скрылась за скрипучей дверью отдаленного дома.

На следующий день, когда подручные госпожи Титэ выгрузили проданные товары в Тарнадиле, караван отправился дальше, сквозь желтые пески, раскаленные солнцем. Высокие сильные верблюды плавно раскачивались, мягко ступая по знакомым путям. Ильберсу казалось, что он плывет на корабле по бескрайнему морю. Он лежал в кибитке Тилмтэру, раскинув руки от жары, и бесцельно таращился в потолок. Почти сутки он проспал, убеждая себя в том, что сон помогает от духоты, да к тому же восстанавливает силы и укрепляет здоровье. На самом же деле барс почти не спал. Только напряженно думал с закрытыми глазами.

После очередного ночного привала у костра, на рассвете, когда солнце только начинало показываться из-за высоких дюн, Тилмтэру объявила Ильберсу, что скоро будет Тартунас. Правда, барс так и не разглядел на горизонте хотя бы отдаленные очертания поселения, где мог бы находиться один из нумерованных.

Хозяйка каравана оказалась очень щедра. Она не поскупилась и подарила новому приятелю два бурдюка с чистой водой и специальные очки, которые используют погонщики верблюдов и пустынные кочевники. Тилмтэру изучила технологию их изготовления у северных народов и стала активно продавать подобные вещицы в Солнечном море. В твердом каркасе из дерева мастера делали узкие горизонтальные прорезы, а затем привязывали кожаный ремешок. Сгорая от любопытства, Ильберс спешно надел очки и выглянул из кибитки.

– И правда – солнце не слепит.

– Ну а я что говорила?

– Наверное, и в солнечные зимние дни в них будет лучше.

– А то! Бери, пока дарят. Я их по три золотых продаю, но тебе отдам просто так.

– С чего такая щедрость? Деньги у меня есть, я могу заплатить. – Ильберс сдвинул очки на лоб и возмущенно сел, скрестив ноги.

– Честно признаться, мне стыдно за то, какое огорчение я вынуждена внести в твое путешествие. Считаю, это плата.

– О чем это ты? – Барс не на шутку забеспокоился, представляя в голове, как караван проходит мимо Тартунаса и держит путь дальше, в глубь пустыни, куда ему точно не нужно.

– Я не знаю, насколько большой проблемой это для тебя окажется...

– Ну же, говори.

– Мы не будем заходить в Тартунас.

– Как... как не будем?

– Не хотелось огорчать тебя раньше времени, барс, но, боюсь, тут мы с тобой и расстанемся. Ведь для того, чтобы попасть в это поселение, тебе нужно спрыгнуть с каравана и идти пешком.

– Ну вот, сказала бы раньше, я бы подготовился. – Ильберс нахмурился и потер переносицу. – А почему вы идете мимо?

– Там сейчас война между поселениями – Тархалом и Тартунасом. Хантары – правители – снова не поделили богатый оазис между собой. Однако я дружу с хантаром Тархала, а потому зайду с караваном его проведать. Пойми, не собираюсь я рисковать своими людьми и верблюдами.

– Понимаю...

– Но сейчас лучшее время, чтобы отправиться в пешее путешествие. Отсюда ближе всего до Тартунаса. – Тилмтэру отодвинула ткань навеса и указала пальцем на высокую дюну далеко на горизонте. – Пройдешь до вон той горы, поднимешься, а там и увидишь свое поселение. Уж не знаю, как ты поведешь нумерованных в Светоград, но будь осторожен. Они люди опасные. А пустыня оголяет внутреннее зло.

Ильберс активно закивал, соглашаясь с ее словами, но мысленно восхвалял себя за то, что не разболтал свой маленький секрет. Наверняка Тилмтэру выкинула бы его из каравана намного раньше, если бы узнала правду о принадлежности к Лагерю Смерти. В чем барс точно убедился на многих примерах – в пустыне нумерованных за людей не считают.

Снарядившись в путь, Ильберс ловко спрыгнул с края кибитки, взметнув песок под ботинками, и махнул на прощание рукой.

– Если позволит Великий Тар, еще свидимся! – крикнула ему Тилмтэру. – Не пропади!

– И тебе удачи, госпожа Титэ! Спасибо за все!

Караван, словно корабль, продолжил неспешное плавание по Солнечному морю, оставив барса в самом сердце раскаленной пустыни.

Глава 16. По самому краю

«Жара... со стороны этого не видно, но я чувствую себя так, словно незримый огонь обжигает все мое тело. Подумать только: неужели воздух бывает настолько горячим? Сейчас что, всего лишь полдень? Я вообще выдержу эту пытку? Как бы хотелось окунуться в холодный снег, услышать его хруст, ощутить, как он тает на коже, возвращаясь к истокам, снова становясь водой. Вода... Один бурдюк уже пуст. Хватит ли мне сил и влаги? Хочется порвать одежду, а затем и кожу. Знаю, это не поможет, но как же хочется... Шаг, еще один шаг, еще. Ноги вязнут в песке. Я должен пройти, я должен пройти...»

Ильберс оглянулся. Каравана позади уже не было. То ли мираж скрыл его дрожащей пеленой, то ли он успел спрятаться за желтыми холмами – барс так и не смог определить. Зато ему удалось подметить, что та самая дюна, за которой находился Тартунас, ни на шаг к нему не приблизилась. Как была на горизонте, так и осталась. Ветер носил из стороны в сторону мелкие золотые песчинки, сверкающие на солнце, будто это драгоценные камешки. Но Ильберс уже не мог на них смотреть. Несколько часов он устало плелся по пустыне, оставляя после себя широкие следы. Правда, хозяин Солнечного моря заметал их, выравнивал поверхность, скрывая появление чужака.

Очки, повязка на лице и капюшон очень помогли, но жара стояла неопишуемая. Рана на бедре неприятно болела, из-за чего Ильберс снова начал прихрамывать. Песок, как назло, был текучим и скользил под ботинками. Долгое время барс шагал бездумно, не оглядываясь и не пытаясь следить за движением солнца. Когда во рту в очередной раз пересохло, он достал бурдюк, сделал глоток и со скорбью отметил, что воды у него больше нет. А песчаная гора и не думала приближаться. Она дразнила и посмеивалась над путешественником, не давая и шанса на спасение.

– Я что, умру в твоей обители, а, Великий Тар?! – крикнул барс в небо. – Пощади меня! Мне нужно спасти свой дом и защитить дорогих людей! Я ведь пришел за нумерованными, которых ты наверняка недолюбливаешь! Этим я помогу тебе, разве нет?!

Небо и пески молчали.

– Что мне нужно сделать? Что мне нужно сделать, чтобы ты пощадил мою жизнь?!

Но тут Ильберс резко остановился и задумался над тем, что может и вправду ему помочь. Он засунул руку в поясную сумку и достал оттуда несколько золотых монет.

– Тилмтэру говорила, что, получив дань, ты можешь помиловать путников в пустыне, даровать им защиту...

Развернув ладонь, барс высыпал монеты на песок, и Солнечное море тут же поглотило блестящее золото. Однако Ильберс не заметил, чтобы что-то изменилось, а потому, разочарованно опустив руки, продолжил бездумно шагать вперед, не замечая слепящего света и горячего ветра.

Прошло около часа, и когда он случайно поднял взгляд, то увидел огромную песчаную дюну прямо перед собой.

– Ну вот. Можешь ведь, когда захочешь.

Подниматься по рассыпчатому песку было невероятно трудно. Во рту снова пересохло, но утолить жажду Ильберс не мог. Пустые бурдюки висели на поясе и служили печальным напоминанием о том, что нужно быть менее расточительным. Когда до самого верха оставалось всего ничего, барс в предвкушении поднял очки на лоб и стянул повязку с лица. Он уже представил себе, как может выглядеть Тартунас: поселение с каменной стеной из белого камня, сочными пальмами, увешанными финиками, и воинственными людьми, держащими в руках острые сабли. Тилмтэру предупредила, что между поселениями идет война, поэтому Ильберс

пытался придумать причину, чтобы его пропустили за ворота, а не выставили вон на верную смерть.

Сделав пару победных рывков, он оказался на самой вершине. Но тут у барса перехватило дыхание. Перед его взором открылась песчаная долина с желтыми бугорками и дюнами. Тартунаса не было, даже на горизонте. Ниоткуда не торчали ни одна башенка, ни один шпиль – вокруг на сотни и тысячи шагов простирался бесконечный песок. И только песок.

– Тилмтэру... обманула меня? Здесь ничего нет. За этой дюной ничего нет! – Ильберс упал на колени и обреченно посмотрел на солнце, плавно опускающееся слева от него. – Ведь это не мираж... Мои глаза меня не обманывают. Эта женщина хотела избавиться от меня?! Зачем она отправила меня сюда?! Никакого поселения здесь нет!

Ильберс гневно ударил кулаком по песку. Из последних сил, какие только остались. Он смертельно устал шагать весь день по невыносимой жаре, да и нога разболелась сильнее. Отчаяние настолько захватило его, что барс не выдержал и громко закричал, но даже эхо не ответило ему. Сознание плавилось от жары, и в какой-то момент Ильберс потерял сознание. Всего на пару секунд, но этого хватило, чтобы он свалился с вершины дюны и кубарем покатился по склону вперед. Придя в себя, барс в панике пытался зацепиться хоть за что-нибудь, но песок предательски растекался под пальцами. Он набивался под одежду, засыпался в ботинки и мерзко скрипел на зубах. Перегруппировавшись, Ильберс смог без проблем скатиться к самому подножию, куда тут же прибыла лавина песка.

– Лучше бы сидел в столице... тьфу... с Каоламой. А теперь я умру здесь и даже не увижу ее напоследок. А ведь она так вкусно пахнет! Знал бы ты, Великий Тар, как она пахнет... Хотя ты, наверное, догадываешься. На то ты и Великий. Если бы ты только помог мне сейчас...

Вытряхнув из рукавов остатки песка, Ильберс с трудом поднялся, обреченно посмотрел на горизонт и сделал всего один шаг. Горячая поверхность под ногами провалилась с жутким скрежетом, и барс вместе с ней. Круглая деревянная крышка диаметром в полтора шага провернулась наполовину, обнажив под собой каменный колодец. В эту узкую щель Ильберс и угодил, снова ругая себя за беспечность. От неожиданности он не успел ухватиться за край, но собрал все оставшиеся силы и уперся руками и ногами в стены, зависнув посреди идеально круглой трубы, словно звезда. Наверху было слышно, как крышка возвращается в привычное положение и снова постепенно заматывается песком, который тем не менее продолжал сыпаться с поверхности. Колодец уходил далеко вниз, где было очень темно.

– А я, оказывается, настоящий мастер проваливаться во всякие ямы, – горько усмехнулся барс.

От всего происходящего сердце в груди забилось чаще. Ильберс не представлял, что может ждать его внизу, но собрался с мыслями, немного умирил резкий приступ паники, закрыл глаза и внимательно прислушался. Как Медведь учил. Песок струился и накапливался на его спине. Руки и ноги начинала пронизывать дрожь, ведь сил и так и не осталось, а теперь они и вовсе тратились в разы быстрее, пока Ильберс пытался удержаться. На дне высокого колодца с древними прочными стенами не было воды. Чуткие уши барса наверняка бы услышали, как в нее погружается песок. Внизу твердая поверхность расширилась до размеров приличной комнаты.

Силы окончательно покинули руки и ноги, а потому, чтобы не свалиться и не разбиться о твердый пол, Ильберс резко сгруппировался и полетел вниз. Приземление нельзя было назвать очень удачным, но рассыпчатый песок неплохо смягчил удар. Сидя на нем, барс аккуратно пошарил в пространстве вокруг себя.

– Как же я устал от всего этого, – тяжело вздохнув, тихо произнес он. – Как же я устал... Хочется лечь и забыть обо всем. Пусть Великий Тар делает, что ему вздумается. Если он так хочет моей смерти – милости прошу... Я устал... очень устал...

Вокруг было тихо, прохладно и очень темно. Откуда-то пахло сыростью. Блеклый запах щекотал нос. Ильберс ощутил, как после шелестящего пустынного ветра шумит в ушах, затем медленно похлопал глазами и молча лег на песок, не пытаясь сопротивляться судьбе. Все тело ломило от жажды и усталости, но он предпочел лежать на боку, подложив под голову руку. Из трубы каменного колодца продолжал течь песок, образуя на штанах и рубахе желтые конусы. Он будто старался укрыть барса одеялом, чтобы тот отправился в миры сновидений... или мир вечности.

***

Ильберс проснулся от циклических вибраций, легкой рябью пронизывающих пространство. Прижав подушечки пальцев к каменному полу, припорошенному песком, он ощутил их намного четче. Это очень походило на человеческие шаги. Кто-то приближался – неспешно, иногда останавливаясь по пути, – затем стали слышны разговоры, шелест одежды и непонятный звон. Ильберс изумлялся невероятной технике Медведя – даже на большом расстоянии он слышал и ощущал многое, чего раньше не мог. Вибрации усиливались. Через время барс увидел очертания помещения и сразу понял, что за его спиной загорелся факел, а по темным полоскам на стенах догадался, что находится за решеткой, прутья которой тянутся от пола и до потолка. Колодец над его головой был лишь ловушкой.

Сзади на расстоянии пяти шагов остановились двое незнакомцев. Они долго молчали, рассматривая добычу, а затем послышался встревоженный женский голос:

– Ты был прав. Кто-то попался.

– Ну вот, а вы говорили, что уже не сработает, – ответил ей низкий мужской голос. – Наверняка это тархальский лазутчик.

– Рано делать выводы.

Непонятный звон повторился, из-за чего барс догадался, что так звучат украшения женщины. Она наклонилась вперед, пытаясь рассмотреть человека за решеткой, но вскоре испуганно отступила назад. Ильберс мастерски притворился мертвым, стараясь не шевелиться.

– А он вообще жив? – дрожащим голосом спросила женщина. – Он же мог разбиться, упав с такой высоты.

– Так даже лучше. Нам не придется его добивать.

– Нельзя так! Мы могли бы его допросить!

– Прошу меня простить за мою недальновидность.

– Ох, и что же нам делать? С давних пор никто не попадался в эти ловушки.

– Все бывает в первый раз.

– Да, думаю, ты прав. Что же нам делать?..

Незнакомцы замолчали. Ильберс слышал недовольное дыхание мужчины и легкое трепетание женщины, которая никак не могла определиться с дальнейшим ходом. В какой-то момент она даже начала грызть ногти. Барсу не хотелось больше мучить их неопределенностью, а потому он слегка привстал и обернулся через плечо, наконец посмотрев на незнакомцев. Мужчина был очень высоким и широкоплечим. По размерам он мог бы тягаться с Шестым и даже переплюнул бы его. Он был одет в свободную рубаху, подпоясанную серебряным шнуром, и светлые хлопковые штаны, кое-где испачканные сажей. Ильберс не сомневался, что вибрации создавал только он, ведь девушка рядом с ним на вид могла бы переломиться от малейшего ветерка. Ее худенькое тело было облачено в яркое фиолетовое платье с длинными рукавами-фонариками. На голове красовался такого же цвета платок с золотой каймой и пушистыми кисточками, ниспадающими на лоб. Как барс и полагал, на ее руках, прямо поверх рукавов, звенели тонкие золотые кольца браслетов.

Незнакомцы, заметив движение в клетке, вздрогнули. Мужчина выставил перед собой факел и прищурился, глядя на барса. Тот окончательно развернулся к ним и сел на песке, держа пальцами за краешек капюшона.

– Он жив, – изумленно прошептала девушка своему напарнику, но сделала это настолько громко, что даже глухой бы услышал. – Ты видишь? Он живой!

– Да. Мы можем его допросить.

– Подожди. У него такой измученный вид.

– Не нужно жалеть каждого встречного.

– Почему нет?

– Он может быть опасен. Он может быть тархальским лазутчиком, в конце концов!

– И что теперь, уподобиться диким зверям?

– Почему?.. Нет, мы просто узнаем, что задумал хантар Тархала, и все.

Ильберс с удовольствием и дальше бы слушал их милую беседу, но все же решил заявить о себе и тихонько прокашлялся.

– Почему бы вам не спросить меня об этом?

– Он говорит... – пролепетала девушка и прижала руки к груди, будто перед ней было великое чудо.

– Перестаньте удивляться всяким мелочам, госпожа.

– У него такой красивый голос.

– Госпожа!

– Да ладно, ладно... Только мужу не говори.

– Ваш допрос один из худших на моей памяти, – возмутился Ильберс и вскинул руки, ощущая себя заморской зверушкой на базаре Тартума.

– Кто ты такой? – грубо спросил мужчина.

– Зачем же ты так? Надо ласково, тогда он ответит честно. – Девушка наклонилась вперед и жалобно похлопала длинными черными ресницами. – Скажи, пожалуйста: кто ты и откуда пришел?

Ильберс почувствовал, что ее обаяние легко влияет на него. От девушки совершенно не чувствовалось опасности, наоборот, все ее естество было одним сплошным комочком тепла, спокойствия и нежности.

– Меня зовут Ильберс. Я пришел из столицы империи Светограда.

– Ого, – удивилась девушка. – Далеко. Как же ты к нам попал?

– Из Тартума караван доставил.

– Но караван к нам не заходил. Неужто ты шел через пустыню пешком?

– Да.

– Это же так опасно! Ты мог погибнуть!

– Если честно, я был в отчаянии, когда провалился в вашу ловушку. – Ильберс задрал голову и посмотрел на круглую черную дыру в потолке. – Думал, что погибну.

– Зачем же ты пришел?..

– Он все врёт! – завопил мужчина и ухватился за ножны, которые барс заметил только сейчас. – Это точно тархальский лазутчик! Ишь как складно поет! Никто без каравана по пустыне не ходит! Без каравана – верная смерть!

– Подожди, я хочу его послушать...

– Нечего его слушать! Если поверим ему, то он всех нас погубит! Во имя нашего светлейшего хантара Симеона и ради моей семьи я отрублю ему голову! Отправлю его душонку в царство Черной Луны, как это сделали с моей женой и детьми прихвостни тархальского хантара!

– П-подожди!..

Крики испуганной девушки не смогли остановить ее напарника, на чьем лице была высечена глубокая злость. Он яростно дернул решетчатую дверь темницы и, казалось, снес ее с

петель. Могучим рукам мужчины это было вполне по силам. Ильберс неуклюже подскочил, не полностью оправившись после похода по пустыне, и вытащил кинжал из драконьей стали. Он чувствовал, что сил могло не хватить на полноценное сражение, но старался уверенно держаться на ногах, чтобы не выдать своего положения. Мужчина швырнул горящий факел в угол и достал из ножен короткую саблю без шнура на рукояти. Барс встал в боевую стойку напротив него, крепко держа кинжал перед глазами.

– Ничего не хочешь сказать напоследок? – сквозь зубы проговорил мужчина и пару раз взмахнул лезвием в воздухе.

– Мне нечего тебе сказать, – сдержанно ответил Ильберс, чуть согнув колени. – Ярость все равно закроет тебе уши.

С боевым кличем противник бросился вперед, грузно размахивая саблей. Он был большим и крайне неуклюжим воином, от хаотичных ударов которого барс уклонился очень легко. Он перекатился по полу справа от него и опустился на одно колено, выжидая вторую атаку. Мужчина сделал еще пару лишних шагов и развернулся. От его мрачного лица веяло чудовищной жадной крови, какая бывает только у закаленных убийц и до смерти отчаявшихся людей. Ильберс склонился ко второму варианту, ведь со стороны было непохоже, что воин часто отправлял людей в мир вечности.

Девушка стояла за решеткой и в ужасе закрывала рот рукой. Барсу не хотелось сражаться с ее напарником, но тот настойчиво провоцировал драку. Он атаковал снова и снова, но каждый раз промахивался, разворачивался и продолжал нападать, полностью поглощенный звериной яростью. Ильберс, и без того измученный жадной и усталостью, еле поспевал уклоняться даже от самых медленных атак. Его дыхание становилось все тяжелее, ноги слабели, а пальцы, сжимающие рукоять кинжала, сводило мучительной судорогой. После очередной бессмысленной атаки яростного мужчины он настолько отчаялся, что решил воспользоваться крохотной частью силы берсерка.

«Разгоню сердце, совсем чуть-чуть, и тогда проскочу мимо девушки и сбегу отсюда. Двери открыты – почему бы не попробовать?»

Сделав глубокий вдох, Ильберс присел на корточки, снял капюшон, натянул очки повыше и зажег в глазах яркий огонек. По его ладоням поползли бледно-красные полосы, которые через мгновение стали видны и на шее из-под ворота рубахи. Мужчина опешил, глядя на него, и даже опустил саблю.

– Стой, Хотур! – истошно закричала девушка, прилепившись к решетке. – Это же Двенадцатый! Из Лагеря Смерти! Его нельзя убивать!

Хлопая глазами, Ильберс обернулся к ней, опустив клинок. Сила берсерка постепенно рассеялась, и алые полосы растворились, подобно влаге в жаркой пустыне. Противник тоже остудил свой пыл, услышав о том, что барс – нумерованный.

– Откуда ты... знаешь мой номер? – удивленно спросил Ильберс.

– Мне муж про тебя много рассказывал, – смутилась она.

– А кто твой муж?

– Светлейший хантар Симеон. В прошлом – Седьмой нумерованный Лагеря Смерти.

Наступила неловкая тишина. Хотур стоял напротив барса и пытался бесшумно затолкать саблю обратно в ножны, но получалось у него это слишком громко и неуклюже. Девушка смотрела на воинов поочередно, широко улыбаясь. А Ильберс глядел на нее глазами, полными искреннего недоумения, пока с досадой не засунул кинжал в пояс на ногу.

– Как он мог меня обогнать? – риторически спросил он. – А мне казалось, что нумерованные не собираются устраивать семейную жизнь в ближайшие годы.

– Как-то так, – неловко пролепетала девушка.

– Значит, ты жена Седьмого?

– Верно.

- Ну надо же... – Ильберс хлопнул себя по коленям и тяжело поднялся. – Как тебя звать?
- Лин ана Хантар. Но можно просто Лина. Идем с нами, Двенадцатый.
- Я уже не Двенадцатый.

Девушка подошла к нему и, слегка смущаясь, потрогала шею, где раньше был прочный ошейник.

– А у моего мужа он до сих пор на месте. Знак принадлежности к Лагерю Смерти. Но он не хочет его снимать. Говорит, это память о прошлой жизни.

– Он себе выбрал новое имя? Симеон, да? Созвучно с Седьмым.

– Муж так и хотел. Для него прошлое многое значит.

– Госпожа, – вклинился Хотур, скрестив руки за спиной. – Разве можно верить иным нумерованным?

– Хантар Симеон поведал, что среди всех, носящих вместо имен номера, можно доверять лишь Двенадцатому. Воину с белыми, словно молоко пустынных коз, волосами.

– Ого... Это довольно мило. – Ильберс улыбнулся.

Хотур тем не менее особо довольным не выглядел. Он угрюмо подобрал с пола факел и обтер его рукоять от пыли. Лина беззаботно зашагала к выходу из темницы, слегка придерживая длинную юбку, чтобы не запнуться. Барс хотел пойти за ней и ее помощником, но буквально через пару шагов на мгновение потерял сознание, из-за чего неловко опустился на одно колено. И без того мрачную темницу, казалось, окутала непроницаемая тьма. Даже факел в крепкой руке Хотура выглядел потухшим в костре угольком. Голову наполнил назойливый шум, который напоминал одновременно и скрежет железа по стеклу, и рой диких пчел.

– Что с тобой?! – воскликнула Лина.

– Устал немного. – Барс вяло помотал головой. – Дайте мне минуту.

– Да чего уж там. Залезай.

Хотур грузно подошел к нему вплотную, схватил за руки огромными мозолистыми ладонями и с легкостью закинул на спину. Ильберс упирался и убеждал помощника в том, что он и сам вполне справится, но здоровяк был непреклонен. Через пару минут Хотур уверенно нес барса по коридору на себе, будто тот ничего не весит. Лина с довольным видом шагала впереди, сжимая двумя руками факел и освещая путь.

Подземный проход был очень длинным, с редкими вкраплениями темниц и мрачных колодцев, уходящих на поверхность пустыни. Барс хотел расспросить про каменные ловушки с деревянными крышками, но от бессилия язык отказывался ворочаться. Ильберс был уверен, что по ходу пути терял сознание еще несколько раз, потому как длинный коридор в одно мгновение закончился прогнившей деревянной дверью с ржавыми заклепками. Затем была витая лестница, ведущая наверх, потом еще несколько коридоров, а после этого Ильберс пришел в себя, только когда оказался в светлой комнате, сплошь увешанной полупрозрачными цветными тканями. Лина стояла перед ним с кружкой воды.

– Возьми.

Осушив ее залпом, барс наконец ощутил четкость сознания. Он сидел на мягкой софе в окружении маленьких расшитых подушек. Вокруг пахло воском и сухими травами. Два его любимых аромата смешались в один, отчего на душе стало спокойно и умиротворенно. Но мысль о Седьмом быстро напомнила о себе, когда Ильберс с интересом наблюдал за тем, как Лина складывает высушенные на солнце ткани.

– А где сам светлейший хантар Симеон?

– Он в пустыне. Отстаивает честь всего Тартунаса.

Руки несчастной девушки мелко затряслись, будто она вот-вот разразится плачем, а потом она и вовсе начала громко всхлипывать.

– Он что, может не вернуться? – осторожно спросил барс.

– Там сейчас проходит сражение между нами и Тархалом. Обычно хантары не участвуют в них, но...

– Зная Седьмого, я уверен: он так просто на месте сидеть не будет.

– Это точно.

– Ты же знаешь о том, что он нумерованный? Значит, видела, что наша сила на многое способна.

– Да, я верю в это.

– А как нумерованный вообще мог стать хантаром в пустыне? Разве здесь не презирают нас? – Ильберс подался вперед и упер локти в колени.

– Седьмой пришел к нам с караваном восемь месяцев назад. В Тартуме правила добрая женщина, а потому он без труда получил проходную грамоту. Однако мой отец, бывший тогда хантаром Тартунаса, не одобрял его присутствия в своем поселении. Он поклялся, что выпроводит нумерованного с первым же проходящим караваном. Но потом на нас напали, а Седьмой спас ему жизнь. С тех пор отец держал его при себе и даже сделал своим сумтару.

– Кем?

– Ну, телохранителем. Но жители Солнечного моря в этот титул вкладывают куда больше значения, чем в империях. Наши сумтару охраняют хантара, руководят воинами, имеют множество привилегий и даже могут занять трон своего правителя, если тот не оставил наследника.

– Понял.

– Седьмой находился рядом с моим отцом... и со мной. Так и переплелись наши судьбы. Но потом, во время очередного налета Тархала, когда перед отцом стоял выбор, кого защитить – меня или себя, – отец выбрал меня. И погиб. Я единственная наследница Тартунаса, однако женщина не может занять место правителя. Поэтому им стал сумтару – Седьмой. Хоть он и был чужаком, но титул сумтару лично дал ему отец, сделав его наследником своего престола.

– Во имя снежных ястребов...

– Забавно, он тоже все время повторяет эту фразу. – Лина улыбнулась и присела на краешек софы. – Через несколько недель после смерти отца состоялось сразу две церемонии: принятие титула светлейшего хантара... и свадьба. Мы вместе уже пять месяцев, и ни разу за все время я не пожалела, что выбрала его.

– Верю. Он всегда был самым разумным из нас.

– О тебе он отзывался точно так же.

– Правда?

– Да. Седьмой говорил, что барс из Лагеря Смерти самый человечный среди людей. Ему и только ему он бы доверил свою жизнь.

Ильберс готов был расплакаться. Но продолжал терпеливо держать себя в руках и смущенно накручивать на палец белую прядку волос. Неожиданно Лина наклонилась к нему и элегантно принюхалась.

– Чем так вкусно пахнет?

– От меня? Не знаю. Не думаю, что от меня может вкусно пахнуть. Особенно сейчас.

– Такой чудный аромат...

Девушка наклонилась ближе и потянулась носом к колчану за спиной барса. Ильберс смутился еще больше и напряженно сжался. Лина мягко ухватила за низ колчана и принюхалась к нижней его части.

– Вот тут – просто дивный аромат!

Ильберс не выдержал такого странного поведения, расстегнул ремешки и отдал источник запаха неудержимой даме.

– Во имя Великого Тара! Что же издает такой прелестный запах? Не могу надышаться! – Нисколько не смущаясь, она уткнулась носом в потертую кожу колчана.

– Так может пахнуть только... Перестань нюхать! Наверняка это запах парализующего яда! – Ильберс пытался легонько отобрать свою вещь, но его встретило сильное сопротивление.

– Еще чуть-чуть! Дай насладиться этим запахом еще хоть чуть-чуть!

– Да ты же отравишься! Или пары яда парализуют!

В этот момент в комнату вошел Хотур, громко открыв дверь, и остановился у входа, заметив странную картину. Лина все еще утыкалась носом в колчан, который барс старательно пытался отобрать.

– Что у вас здесь...?

– Хотур! – радостно воскликнула Лина и подскочила, совершенно позабыв про полюбившийся запах. – Ты не поверишь, что я нашла у барса!

– Не сейчас, госпожа.

Даже для своего сурового лица подручный выглядел слишком угрюмым. На широком лбу собрались глубокие морщины, а и без того маленькие глаза прищурились еще сильнее. Он неловко потоптался у входа, будто не хотел оглашать неприятные новости. Лина поняла, что случилось нечто ужасное, а потому сразу поменялась в лице и сделалась серьезной. Она расправила складки на юбке и слегка коснулась колец на запястье.

– Говори.

– Недалеко от врат видели всадников Тархала.

– Когда?

– Только что.

– Как они посмели нападать на город в отсутствие хантара? Ни во что не ставят законы Великого Тара!

– Что прикажете?

– Передай постовым: пусть отслеживают их перемещения и в случае проявления агрессии тут же сообщают мне. А еще выводи наездников, чтобы...

С улицы послышались истошные женские крики. Хотур вздрогнул и, неловко развернувшись, вылетел в дверь, громко топая ногами. Ильберс подскочил, оставив лук и колчан на софе, и хотел побежать следом, чтобы разведать обстановку, но Лина остановила его одним коротким жестом руки.

– Останься здесь. Это наше дело, а не твое.

– Я мог бы помочь...

– Оставайся. Здесь, – отрывисто произнесла она и, взглянув на барса через плечо, выскочила за дверь вслед за подручным.

С улицы продолжали раздаваться крики и грохот. Ильберс хотел сорваться, нарушив приказ жены хантара Тартунаса, и помочь в бою. Но что-то останавливало его. Настойчивость Лины?

«Как же это не мое дело? Оно стало моим, когда Седьмой обрел власть над Тартунасом. Он мой брат по оружию, а значит, я должен помогать ему, когда есть возможность...»

Барс тряхнул головой и уверенно шагнул к двери, но прямо перед ним неожиданно выскочила Лина. Ее лицо было бледным, а худые пальчики мелко тряслись, пока держали длинную юбку. Она вдохнула побольше воздуха, желая как можно скорее сказать то, зачем пришла, но только закашлялась от нетерпения. Ильберс отыскал глазами кружку и зачерпнул немного воды из кувшина с широким горлышком. Девушка тут же обхватила ее руками и выпила все до капли.

– Их слишком много! – выпалила Лина. – Они не должны были напасть. Так не принято по законам Солнечного моря. Постовые повержены... Наши воины потерпели поражение. Наездники Тархала идут сюда.

– Я защищу тебя, не бойся...

Ильберса передернуло. Ему хотелось успокоить Лину, заверить несчастную девушку, что бывший нумерованный сможет спасти ее жизнь. Но после сражения с тартумскими гвардейцами он ни в чем не был уверен. Барс уже потерял дорогого друга. Юный Арфариан погиб на его руках. Разгоряченная кровь на острие стрелы до сих пор стояла перед глазами и напоминала о собственной слабости. Ильберс виновато опустил глаза и поджал губы, боясь убеждать Лину, что все будет хорошо.

– Нет, так не пойдет. – Она тряхнула головой и принялась ходить по комнате кругами. – Я нужна им живой, а ты – нет. Воинов Тархала много. Очень много. Мерзкие пустынные черви! Как они посмели заявиться в нашу обитель?! – Лина с досадой пнула мягкий бок разноцветной софы и заскулила от боли в ноге. – Мерзкие пустынные... Ты с ними не справишься. Ты погибнешь.

– А что ты предлагаешь?

– Я принесла веревки.

– Зачем?

– Если ты станешь моим пленником, то они тебя не тронут.

– Что за глупости? Нужно сражаться! – воскликнул Ильберс, не желая повторять ошибку, совершенную во дворце Тар-Эну.

– Это единственный способ выжить! – По щекам Лины потекли слезы, отчего барс проглотил все свои доводы. – Они тебя не тронут, если сочтут нашим пленником. Враг моего врага – мой друг. Так у них заведено.

Ильберс спорить не стал, лишь напоследок взглянул в большие чистые глаза Лины, переполненные беспокойством, и послушно побрел в угол комнаты. Худенькая девушка, задыхаясь от слез, спешно обмотала веревку вокруг его запястий, еле затянув узлы. Надежностью они не отличались, но для спектакля должно было сгодиться. Ильберс услышал топот множества ног и звон оружия. Противники задержались на последнем рубеже, защищающем комнату жены хантара. Что-то с грохотом упало на пол. Барс мысленно просил, чтобы это был не Хотур. Постепенно шаги стали неспешными, властными. Лина видела по лицу Ильберса, что кто-то приближается, и оттого начала теребить платье, присев на софу. Через секунду она в панике подскочила и подошла к барсу.

– Они же не поверят, что ты мой пленник! – громким шепотом закричала она.

– Что ты собираешься делать?

– Я прошу прощения!

Размахнувшись, она с силой ударила его кулаком по лицу. Удар получился слабеньким, но кровавая ссадина на губе все-таки осталась. Лина принялась полушепотом осквернять обитель Великого Тара бранными словами, активно тряся ушибленными костяшками пальцев. Ильберс открыл зажмуренные глаза и облизнул небольшую рану.

– Я думаю, что они бы и так поверили.

– Нет!..

– Сядь на софу. Они уже близко.

Тяжелая поступь раздалась прямо за дверью. Даже Лина ее слышала, и ее сердце, словно пташка, дико билось в груди. Разукрашенный сапог ступил в комнату, отчего вокруг стало заметно темнее. Свечи в подсвечниках слегка дернулись, будто и правда нечто темное и пугающее зашло внутрь. Лина громко сглотнула, но тем не менее выпрямила спину, чтобы с гордостью принять свою судьбу. Через дверь ступил невысокий коренастый воин в золотистом тюрбане и длинной расписной накидке. На его богатом поясе висела сабля без всяких ножен. Ильберс был уверен, что она даже не заточена, иначе давно бы уже изрезала все его одеяние. Скорее это было сделано для устрашения. Лина действительно испугалась.

– Сумтару, – скупой произнесла она дрожащим голосом.

– Закрой рот. Не хочу ни слова от тебя слышать. – Он властно прошелся по комнате, скрестив руки за спиной, а затем остановился около Ильберса. – Что у нас тут? Неужто самый настоящий барс? Я думал, что вы давно вымерли.

Его низкий дребезжащий голос раздражал Ильберса. Ему бы очень хотелось даже со связанными руками подскочить и влечь мощный удар с разворота прямо в надменное выбритое лицо тархальского сумтару. Но он чувствовал, что за дверями стоит целый отряд отлично вооруженных воинов, а потому не рискнул безопасностью Лины. Сумтару же не скупился на наглость. Он схватил несколько прядей белоснежных волос и долго рассматривал их, будто подсчитывал, за сколько можно продать барса на торгах Тархала. От этого Ильберса начинал распирает гнев.

- Он наш пленник, – уверенно произнесла Лина. – Не смей его трогать.
- Теперь это мой пленник, – улыбаясь, ответил тот. – Его я тоже заберу.
- Т-тоже? – Девушка в недоумении похлопала глазами.
- Да. Я забираю тебя, Лин ана Хантар, и барса. Теперь вы оба – мои пленники.

Подручные сумтару вели бедолаг по коридорам, время от времени грубо толкая их в спину. Ильберс, оказавшийся за пределами комнаты, во все глаза таращился на глухие каменные стены. Темные проходы, казалось, были прорыты глубоко под землей, и лишь редкие факелы, словно оазисы в пустыне, пятнами заливали их светом. Барс не ошибся. Когда солнце ударило в лицо, он с восхищением и искренним изумлением увидел истинное обличье Тартунаса. Поселение располагалось наполовину под землей, прячась от солнца в безграничных просторах прохладного камня. Многоярусный оазис был соткан из множества улиц и лестниц, выдолбленных прямо в стене утеса, над которым возвышалась желтая скала. Ильберс задрал голову и удивился, насколько высоким был утес. Даже выше, чем дворец Орфоса Первого со всеми его башнями и шпилями, протыкающими небо. Потому-то барс и не заметил Тартунаса на линии горизонта, когда поднялся на дюну: поселение расположилось под громадным песчаным выступом. Наверняка, пройди он еще пару сотен шагов и не попав в ловушку, наткнулся бы на обрыв и увидел с высоты город во всем его великолепии. В каменной стене, исписанной белой краской, тут и там выделялись маленькие квадратные окошки. Коридор, ведущий от комнаты Лины до улицы, проходил через высокую арку, с которой свисали блестящие желтые звезды. А дальше, за зелеными клумбами и песчаной дорожкой, простирались маленькие домики, собранные в пучки кварталами и испещренные уютными переулками.

Тартунас по форме напоминал полумесяц и был, наверное, очень красивым поселением, однако Ильберс подмечал лишь крохотную часть всей красоты. На улицах жителей поставили на колени и держали перед их лицами сверкающие сабли. Когда Лина проходила мимо них, люди с надеждой и ужасом провожали ее глазами. Сумтару уверял, что не станет никого убивать, если жена светлейшего хантара Симеона добровольно пойдет за ним. И он сдержал обещание. За вереницей верблюдов, на которых прибыли воины Тархала, тянулось несколько телег с клетками. Лину посадили в одну клетку, а Ильберса – в другую. Сумтару, очевидно, не желал, чтобы они взаимодействовали между собой. То ли боялся сговора, то ли переживал, что пленник может покуситься на жизнь жены хантара. Своих мотивов он не раскрывал.

Лина прижалась к решетке и с тоской наблюдала за тем, как отдаляется от нее родное поселение, вырезанное в камне и украшенное обожженной глиной. Девушка тяжело вздыхала, страдая от солнца и жары. Ильберс настолько устал от бесконечных потрясений, что лег на железный пол клетки и тут же уснул. Сколько ехать до Тархала, он не ведал, но ценное время упускать не желал. А когда громкий удар по решетке разбудил его, солнце уже подползло к горизонту. Рядом с телегой стояли сумтару и несколько его помощников, которые с любопытством разглядывали барса.

Вокруг на большом расстоянии горбились каменные стены, а над головой возвышался купол, разрисованный древними историческими сюжетами. Ильберс рассмотрел на нем наездников на верблюдах и воинов с длинными саблями, которые поклонялись пустынному вихрю. Но любованию прервали помощники сумтару, открыв дверцу клетки и вытащив барса наружу. Они грубо хватались за его руки и толкали в спину, чтобы он быстрее шел вперед.

Ильберс пытался найти глазами Лину, но безуспешно. Второй клетки даже не было в помещении. Барс забеспокоился за ее жизнь, но тут его провели в богато украшенный зал, где множество людей в ярких халатах и тюрбанах сидели на полу с пиалами чая в руках. Высокопоставленные мужи с седеющими бородками тихонько переговаривались между собой, пока не заметили внезапного гостя. Нисколько не стесняясь своей бестактности, они принялись показывать на него пальцами и громко обсуждать. Ильберс нахмурился, отчего им пришлось слегка поутихнуть. В нескончаемой толпе, которая шумела и гудела, словно рой вечерней мошкары, барс высмотрел Лину. Несчастливая девушка сидела среди стариков со связанными руками, пока они спорили между собой, кому она вскоре достанется. Словно Лина была трофеем, а не человеком.

Лишь когда по залу разлетелся глухой звук, все разом закрыли рты, обнажив звенящую тишину. Барс взглянул перед собой и увидел статного мужчину лет пятидесяти, расположившегося на троне в десяти шагах от него. Богатые одеяния, украшенные драгоценностями, и золотая корона, венчающая лысую голову, выдавали в нем хантара. Мужчина прочистил горло и степенно заговорил дребезжащим голосом:

– Перед тобой светлейший хантар Молтур, владыка Тархала и восточной пустыни. Назовись и ты, чужестранец.

Ильберс огляделся по сторонам. Десятки жаждущих глаз смотрели на него в ожидании ответа. Не каждый день в пустыню попадает чистейший барс. От колких взглядов ему стало не по себе, будто он снова стоял на смотре рабов во дворце Тар-Эну.

– Мое имя Стейн, – мастерски соврал он. – Я член отряда имперских рыцарей Светограда.

– Поведай мне, Стейн, зачем ты пришел в пустыню?

– Чтобы найти и истребить нумерованных Лагерь Смерти. Эти чернотушные не должны больше ходить по земле. По приказу самого императора, Его Величества Орфоса Первого, я отправился на поиски последних трех. Так я попал в караван господина Титэ, а потом оказался в ловушке Тартунаса. Сопrotивление не дало мне исполнить свое задание. Я очутился в плену.

– Интересно... – протянул Молтур, почесывая редкую бородку на лице. – Значит, ты желаешь убить нумерованных?

– Верно.

– И ты думаешь, что у тебя хватит сил? – Хантар с сомнением усмехнулся и принялся расслабленно почесывать выпирающий живот.

– Хватит. Я лучший.

Уверенность барса заставила Молтура задуматься. По залу прокатились перешептывания.

– Ты говоришь, что осталось трое нумерованных. Неужто самолично истребил других?

– Да. Своими руками. Я много тренировался, чтобы сравниться с ними. Теперь я выше нумерованных с их проклятой силой берсерка.

«Небывалое везение! – думал про себя хантар. – Господин Титэ заверил, что в пустыне объявился барс, который разыскивает нумерованных, но я и мечтать не мог, что он попадет в мои руки! Как же вовремя! Барсы – отличные воины. Такой мне и нужен...»

– Удивительно! – воскликнул Молтур и хлопнул в ладоши. – У меня есть к тебе предложение, барс.

– Я слушаю.

– Сегодня после полудня мне сообщили, что хантар Тартунаса Симеон объявил о поединке Тар-Кар. – После его слов Лина громко ахнула, закрыв ладошками рот. – Молчи, женщина. Так вот, этот поединок священен. В нем участвуют по одному сильнейшему воину от каждой из сторон. Так решаются исключительные конфликты в пустыне. Дело в том, что мой сильнейший воин оказался повержен, а потому я бы хотел привлечь тебя.

– А при чем тут я?

– Со стороны Тартунаса будет участвовать сам хантар Симеон. А он нумерованный Лагеря Смерти.

– Да ну?! – изображая искренность, воскликнул Ильберс. – Вот это разговор! Я согласен. Кажется, резать глотки нумерованным у меня в крови.

– Я рад это слышать. Тем более у меня есть еще одно предложение для тебя. Если одержишь победу над ним, то я выполню любое твоё желание. – Молтур удобнее разместился на троне и довольно улыбнулся. – А еще выдам тебе нумерованного, который сидит в моей темнице.

Ильберс вздрогнул от неожиданности. Вот так просто на его пути оказался еще один нумерованный, которого можно взять с собой. Осталось разобраться с поединком и дальнейшими шагами. Барс боялся проколоться перед хантаром Тархала и выдать свои истинные цели, а потому старался играть роль до конца.

– Еще один?! – Он вскинул связанные руки, будто это был самый счастливый момент в его жизни. – Неужто мне не придется больше шастать по всему континенту в поисках этих чернотушных?!

– Да, Стейн. В случае победы, будь уверен, я одарю тебя.

– Благодарю, светлейший хантар Молтур! – Барс низко поклонился. – Вы несказанно щедры.

– Сумтару! Развяжи уже руки нашему дорогому гостю! Пусть он садится к общему столу!

Воин нехотя подошел к барсу и без особой радости разрезал веревки на запястьях. Ильберс одарил его насмешливым взглядом победителя. Многочисленные гости хантара сидели полукругом, центром которого был сам Молтур на троне. Прямо на полу стояли подносы на низеньких ножках, на которых было так много еды, что барса удивляло, как она до сих пор не падает. Он старался не обращать внимания на Лину, но ощущал, как она встревоженно смотрит на него.

Заняв место на полу недалеко от трона, барс ухватился за первое, что попало под руку. Желудок вопил от голода, поэтому на выбор времени уже не оставалось. Он с наслаждением откусил пшеничную булку, обсыпанную злаками, и был несказанно счастлив. А несколько глотков финикового настоя и вовсе снова вернули его к жизни. Хантар за спиной барса лакомился жареным мясом и запивал его вином из изящного бокала. Ильберс искоса поглядывал на него и пришел к выводу, что Молтур стремится стать похожим на правителей империй, подражая их обычаям и привычкам. Даже корона на его голове была отлита по стандартам кузнецов и ювелиров Голдведена.

– А знаешь, Стейн, – произнес хантар, вытирая рот платком. – Поединок состоится завтра утром, но уже сегодня я хочу дать тебе возможность назвать любое свое желание. Кроме моего титула, конечно же. – Молтур громко захохотал, после чего его веселье подхватил и весь зал. – И я исполню его хоть сию минуту. А завтра после победы дарю тебе второе желание.

– Вы несказанно щедры, светлейший хантар Молтур, – трепетно пролепетал Ильберс.

Он поднялся на ноги, отряхнул штаны и задумчиво приставил палец к подбородку, выбирая пожелание. Если попросить отпустить Лину, правитель вряд ли одобрит подобную просьбу, а в худшем случае заподозрит неладное. Вся маскировка и актерская игра сойдут на нет. Поэтому он взглянул на упавшую духом девушку, которая сжалась в комочек рядом с заносчивыми стариками, и уверенно показал на нее пальцем.

– Я хочу ее.

– Ох, вот так выбор, – усмехнулся Молтур и похлопал в ладоши. – Что же ты намерен с ней делать?

– Все, кроме желанной смерти. Эта мелкая дрянь морила меня голодом и жаждой два дня. Она держала меня в плену, надеясь, что так я не смогу убить ее мужа.

– Т-ты и пальцем его не тронешь! – воскликнула Лина.

Барс был рад тому, что от страха девушка начинала верить в абсолютную ложь.

– Закрой рот, женщина! – грубо оборвал ее Ильберс. – Завтра я убью твоего ненаглядного хантара Симеона, и ты меня не остановишь.

По коже Лины пробежали мурашки, и она тихо заплакала. От вида ее слез сердце барса обливалось кровью, но он должен был отыграть свою роль.

– Хорошо, ты можешь делать с ней все, что захочешь. – Молтур взмахнул рукой, подзывая подручных. – Я выполню твое пожелание. Только не калечь ее до смерти. Она еще пригодится. А так – до утра она твоя.

Ильберс подошел к заплаканной девушке и резко схватил ее за подбородок. Со стороны он вправду выглядел так, словно оценивал свой трофей, но внутри его душа рвалась на части. Как же ему хотелось обнажить клинок и потерять контроль над собой, чтобы даровать Лине шанс на побег, но он прекрасно понимал, что сбежать у них обоих вряд ли получится. Да и когда еще представится шанс достать второго нумерованного из темницы Тархала?

Сумтару в сопровождении двух помощников повел Ильберс и Лину по каменным коридорам, периодически спускаясь по лестницам и бросая темные тени на бесконечные пролеты и проходы. Барс пытался запомнить дорогу, попутно выстраивая в голове план обители Молтура. Кажется, многие пустынные правители предпочитали строить дворцы под землей и в основании скал. Ильберс слегка касался пальцами древних стен и ощущал, сколько поколений видели эти серые камни, покрытые пылью и копотью.

В одном из широких коридоров, украшенных картинами и золотыми подсвечниками, сумтару вдруг остановился и грубо указал пальцем на прочную деревянную дверь, местами обитую железом. Его помощники дернули за ручку и запихнули Лину внутрь, да так, что девушка чуть не упала на пол. Ильберс изобразил ухмылку, но сам был готов оторвать им руки за это. Сумтару кивнул ему и объявил, что придет только утром.

Барс вошел следом, закрыл за собой дверь и заметил крючок, которым тут же решил воспользоваться, чтобы запереться изнутри. Помощники остались стоять в коридоре, чтобы узнать, что будет происходить в комнате. Подобного приказа сумтару не давал. Бедолаг терзало чистое любопытство. А потому Ильберс тяжело вздохнул, осознавая, что еще не скоро можно выйти из роли жестокого убийцы нумерованных.

– Как ты мог обмануть меня?! – сквозь слезы кричала Лина, сидя на полу.

– Замолчи! Ты сама виновата. Позволила бы мне сразу убить того нумерованного, не страдала бы сейчас.

– Я не позволю... – Хнык. – ...Тебе его убить! Он мой муж! Я... – Хнык. – ...Люблю его!

Позади Лины стояла огромная кровать с балдахинном. Ильберс рассудил, что на нее вполне могли бы поместиться сразу четверо. Грязные факелы на стенах коптели потолки, постепенно скрывая благородный серый камень черным налетом. В воздухе пахло затхлостью вперемешку с благовониями, которые поставили на крохотную тумбочку совсем недавно. Ильберс не хотел больше держать несчастную девушку на полу, а потому аккуратно взял ее за плечи, отчего она разревелась еще сильнее, и посадил на краешек кровати.

– Перестань лить слезы, маленькая дрянь! – грубо крикнул он и шлепнул ладонью об ладонь.

Лина ахнула так, словно барс ударил ее по щеке. Но это и было ему нужно. В заплаканных глазах постепенно загоралось осознание.

– Ты у меня за все ответишь! – Ильберс театрально вскинул руки и снова хлопнул в ладоши.

– Ох! – наигранно воскликнула Лина. – Не надо! Перестань! Не бей меня!

В перерывах между ее эмоциональными криками барс показал пальцем на дверь и на свои уши, намекнув на помощников, стоящих в коридоре. Девушка полностью осознала, что Ильберс не желает ей зла, а потому принялась со всей серьезностью изображать вселенские муки.

– За что же ты так со мной? Во имя Великого Тара! Неужели я заслужила эти страдания?! Ильберс уже еле сдерживал смех, отбивая собственные ладошки.

– Закрой свой рот! Я только начал! Ты будешь молить меня о пощаде до самого утра!

– О нет! Смилуйся надо мной, Великий Тар! Ах, как мне больно!

В порыве актерской игры Лина приподнялась и с лету бухнулась на кровать, катаясь из стороны в сторону и изображая разные непристойные звуки. Ильберса накрыла волна смущения от ее вида. Мало того что он давился от смеха, глядя на невероятное мастерство жены Седьмого, в конце концов ему пришлось закрыть лицо руками, чтобы случайно не увидеть то, на что смотреть было неприлично.

Помощники поначалу не отрывались от двери, но потом, вероятно, вспомнив и про другие свои обязанности, с досадой отправились восвояси. В коридоре больше никого не было, а потому Ильберс поспешил оповестить об этом Лину, которая всюду разошлась, показывая и озвучивая различные пытки.

– Все, перестань! Они ушли, – не открывая глаз, огласил он. – Можешь, ну, вести себя как обычно.

– А? Уже все? – запыхавшись, ответила она после недолгой паузы и аккуратно расправила одежду. – Ужас! Как же хочется понюхать твой колчан!

– Не надо его нюхать, там парализующий яд. Я ведь уже говорил. Тем более он остался в Тартунасе.

– Очень жаль.

Лина тяжело вздохнула и спокойно улеглась на спину, сложив руки под грудь. Она мечтательно смотрела на серый потолок, но почему-то Ильберс был уверен, что все ее мысли были заняты только запахом его колчана.

– У меня есть целебная мазь Знахаря с острова Аквамариновых камней. Может, тебе понравится ее аромат.

– О, давай!

Обойдя кровать с другой стороны, Ильберс вытащил маленький пузырек из поясной сумки, откупорил его с характерным хлопком и протянул девушке, которая уже всюду растопырила худые пальчики. Присев рядом и скрестив ноги, барс с теплотой наблюдал, с каким наслаждением она засовывает свой аккуратный носик в пузырек и вдыхает аромат целебных трав. Но потом его взгляд зацепился за округлый животик, который ее фиолетовое платье облепило в лежачем положении.

– ... Что?.. – в недоумении спросил он, показав на него пальцем.

– А, ты про живот? Я беременна, – спокойно ответила Лина и продолжила нюхать пузырек.

– Неужто Седьмой постарался?!

– Ну а кто? Он же мой муж.

– Во дела... Поверить не могу!

– Тебя это так удивляет?

– Ну а как же! У Седьмого будет ребенок! Во имя снежных ястребов! Как он посмел умолчать о таком? Хоть бы весточку передал!

Ильберс пребывал в полнейшем восторге и даже подскочил на ноги, прохаживаясь по комнате и тормоша волосы. Лина спокойно смотрела на него, пока барс ходил из угла в угол. Затем он снова забрался на кровать и протянул ладошку к ее животу. Девушка застенчиво улыбнулась, но позволила ему прикоснуться.

– Ничего себе... – восторженно прошептал барс.

Ему казалось, что под его руками и правда зарождается новая жизнь, новая душа. Закрыв глаза, Ильберс явственно ощутил мощную энергию, которая бурлит в юном наследнике хантара Тартунаса. Под пальцами струились и переливались волнами потоки жизненной силы, плетущие новую душу из первородного света мира вечности. Барс буквально чувствовал их сплетения, формирующие живое естество.

– Он будет сильным воином, как и отец, – с трепетом сказал барс, убрав ладонь.

– Это мальчик?! – воскликнула Лина.

– Ну, наверное. Мне кажется, мальчик.

– Слава Великому Тару! Он станет чудным наследником Тартунаса! Наш с Седьмым сыночек будет самым сильным!

Ильберс тепло улыбнулся, наблюдая за ее радостью. В мыслях всплыл облик наместника Арфариана, который обрел покой в мире вечности, будучи совсем ребенком. Но потом возникло осознание того, что когда в одной части света умирает человек, то в другой рождается новая жизнь, приходящая на смену. Круговорот бесконечен. Он непрерывно отдает миру новое счастье, даруя его тем, кто достоин.

– Ты что, плачешь?

Растерянно коснувшись щеки, Ильберс обнаружил, что слезы действительно бегут из его глаз.

– Что с тобой? – с тревогой спросила Лина.

– Я счастлив. Последний раз я видел собственные слезы, когда передо мной стоял выбор – убить невинного ребенка или позволить другим убить дорогого мне человека. Это были слезы горя. Но сейчас они бегут от счастья. Круг замкнулся.

Лина улыбнулась и после недолгой паузы спросила:

– Симеон говорил, что Двенадцатый нумерованный все изменил, потому что заботился о маленькой островитянке и рисковал ради нее жизнью. Ты же любишь ее, да?

– Да, – уверенно ответил Ильберс, не смущаясь своих слов. – Раньше у меня такого никогда не было. За этот год не случилось ни дня, когда бы я не думал о ней. Мне так хочется снова ее увидеть. Я не говорил, что она вкусно пахнет?

– Пока нет.

– Она пахнет намного вкуснее, чем колчан или целебная мазь, уж поверь. Принцесса Каолама понимает меня так, как никто другой. Ее слова всегда вытаскивают меня из бездны вечности и наставляют на истинный путь. И знаешь что?

– Что?

– Я точно женюсь на ней! И почему я раньше этого не сделал? Вернусь в столицу и женюсь! Сразу же!

– И нас с Симеоном на свадьбу зови. Мы придем!

– Обязательно!

– А ты знал, что украшает любого мужчину?

– И что же?

– Влюбленные глаза.

Лина кокетливо засмеялась и легла на другой бок, отвернувшись от барса, который еще долго бесцельно смотрел в потолок и улыбался, словно мальчишка.

Глава 17. Души, объятые пламенем

Спать Ильберс не стал. Хоть он и мило побеседовал с Линой, но вскоре наступило осознание приближающегося испытания. Утром предстояло сразиться с Седьмым на глазах всего Тархала. Если он победит, то наверняка Тартунас потеряет нечто ценное, о чем барс пока не догадывается. Он с досадой подумал, что до сих пор не знает причин войны между поселениями. А если проиграет... Хантар Молтур точно продумал подобный исход. Ильберс взглянул на посапывающую девушку, лежащую рядом с ним, и понял, что ее присутствие здесь неспроста.

«Он точно использует Лину для шантажа. Или убьет ее назло Седьмому... Нет, тогда Молтур убил бы ее раньше. Она нужна, а это значит, что насчет ее жизни можно не переживать. Хантар Тархала не глупец – он знает, что его противник нумерованный, а потому не станет лишним раз рисковать, чтобы в конечном счете погибнуть от ярости силы берсерка. Значит, если удастся обезопасить Лину, то и остальное пойдет легче...»

Ильберс аккуратно поднялся с кровати, чтобы не потревожить спящую девушку, и взглянул на свои ботинки, стоящие на полу. Он планировал совершить небольшую вылазку в стан врага и предпочел красться босиком. Бесшумность барса все еще оставалась большим преимуществом. На всякий случай он бросил на кровать очки и сумки, чтобы лишним раз не звенеть в коридорах чем попало. Но потом сообразил, что оставлять комнату после своего ухода незапертой – крайне неразумно. Пришлось легонько потормозить Лину за плечо и попросить ее закрыться изнутри. Благо девушка восприняла его просьбу серьезно и уверенно поднялась с кровати, потирая сонные глаза.

Ильберс неспешно подошел к двери, осторожно потянул крючок вверх, отпирая внутренний замок, и выглянул в коридор. Только одинокие факелы коптели стены, иногда выплевывая мелкие искры. Другие комнаты были заперты. Старый тартумский ковер, который закрывал протертый каменный пол, страдал от излишка грязи и пыли, никем не убираемых с давних времен. В комнате немного спасали благовония, но здесь затхлый запах заставлял нос чесаться и жалеть о попытках изучить оплот хантара Молтура.

– Все, закрывайся, – шепнул барс Лине через плечо. – Открывай, только когда услышишь мой голос.

– Ты куда собрался?

– Осмотрюсь. Может, найду что-нибудь интересное.

– Остерегайся патрульных. У Молтура сильные воины в подчинении.

– Я постараюсь. – Барс кивнул напоследок и скрылся за дверью.

– Да поможет тебе Великий Тар, – прошептала Лина, опуская крючок.

Закрыв глаза, Ильберс прислушался, стараясь не думать о мерзком ковре на полу и невыносимой вони. Человеческие шаги звучали далеко, пронизывая пространство легкими вибрациями. Их отголоски доносились сверху, на два этажа выше. Но, прижав подушечки пальцев к холодным стенам, барс ощутил, что коридор, в котором он стоит, – не последний. Ниже было что-то еще. Или кто-то еще, издающий циклический металлический звон, будто железные палки бьют друг о друга. Ильберс не мог отрицать, что ему хочется отыскать темницу и вытащить оттуда еще одного нумерованного. Но кто им окажется – Девятый или Одиннадцатый, которые тоже отправились в пустыню, – он не ведал.

Ильберс сообразил, что темница наверняка находится на нижнем этаже, а потому отправился на поиски лестницы. По пути ему пришлось бесшумно проскакать мимо охраны и патрульных хантара Молтура, которые, несмотря на сонный вид, бдительно озирались по сторонам. В их ножнах агрессивно позвякивали сабли, а на поясах висели кинжалы, пахнущие пеплом. Драконья сталь. Дорогой металл. Ильберс удивился тому, что смог почувствовать

этот аромат, ведь раньше он улавливал только омерзительный запах крови. Чтобы проверить догадку, он вытащил из пояска собственный кинжал из драконьей стали и принялся. В воздухе разлился тонкий, едва уловимый пепельный шлейф. Наконец барс смог его почувствовать. Сердце радостно екнуло в груди. Но открыто радоваться Ильберс не спешил, ведь за очередным поворотом коридора громко вышагивали подручные сумтару, звякая оружием с серыми кисточками на рукоятях. Хантар Молтур как следует снарядил своих защитников, а потому барс не желал им попадаться.

Чтобы проникнуть на нижний этаж, пришлось сначала подняться выше, затаиться в тенях полукруглых колонн, выточенных на манер колонн дворца Тар-Эну, пробраться через нескольких патрульных, отыскать вторую лестницу и уже тогда бесшумно спуститься. По пути барс вспомнил, что когда-то Первый рассказывал об оружейных тайниках жителей пустыни. Якобы воины Солнечного моря на каждом этаже держат отдельную комнату, доверху набитую начиненными саблями и кинжалами. Ильберс решил проверить этот миф, зная, что рядом с темницей наверняка будет подобный склад. Его ощутил восторг, когда за ловко вскрытой случайной дверью оказалось множество оружейных стоек. Факелов на этаже почти не было, а потому пришлось копаться в запасах на ощупь. Он потрогал пальцами острое лезвие длиной в полторы ладони, рукоять с выточенной гравировкой и мягкий шнурок с кисточкой на конце. Наточенные кинжалы будто ждали своего часа, поэтому барс захватил с собой сразу два. Один из них Ильберс хотел отдать Лине, чтобы та могла защититься в случае опасности, а вот второй решил оставить для себя. Сувенир из пустыни.

Покинув оружейную, он отправился дальше по коридору и наткнулся на решетчатую дверь, которая, на его счастье, была не заперта. За ней оказалось всего две камеры, одна из которых пустовала, а в другой сидел человек, замотанный в лохмотья с ног до макушки. На дальней стене висел одинокий факел. Ильберс снял его с подставки и поднес ближе к решетке, чтобы рассмотреть пленника. Молтур заявил, что в клетке – нумерованный, но барс неохотно верил его словам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.